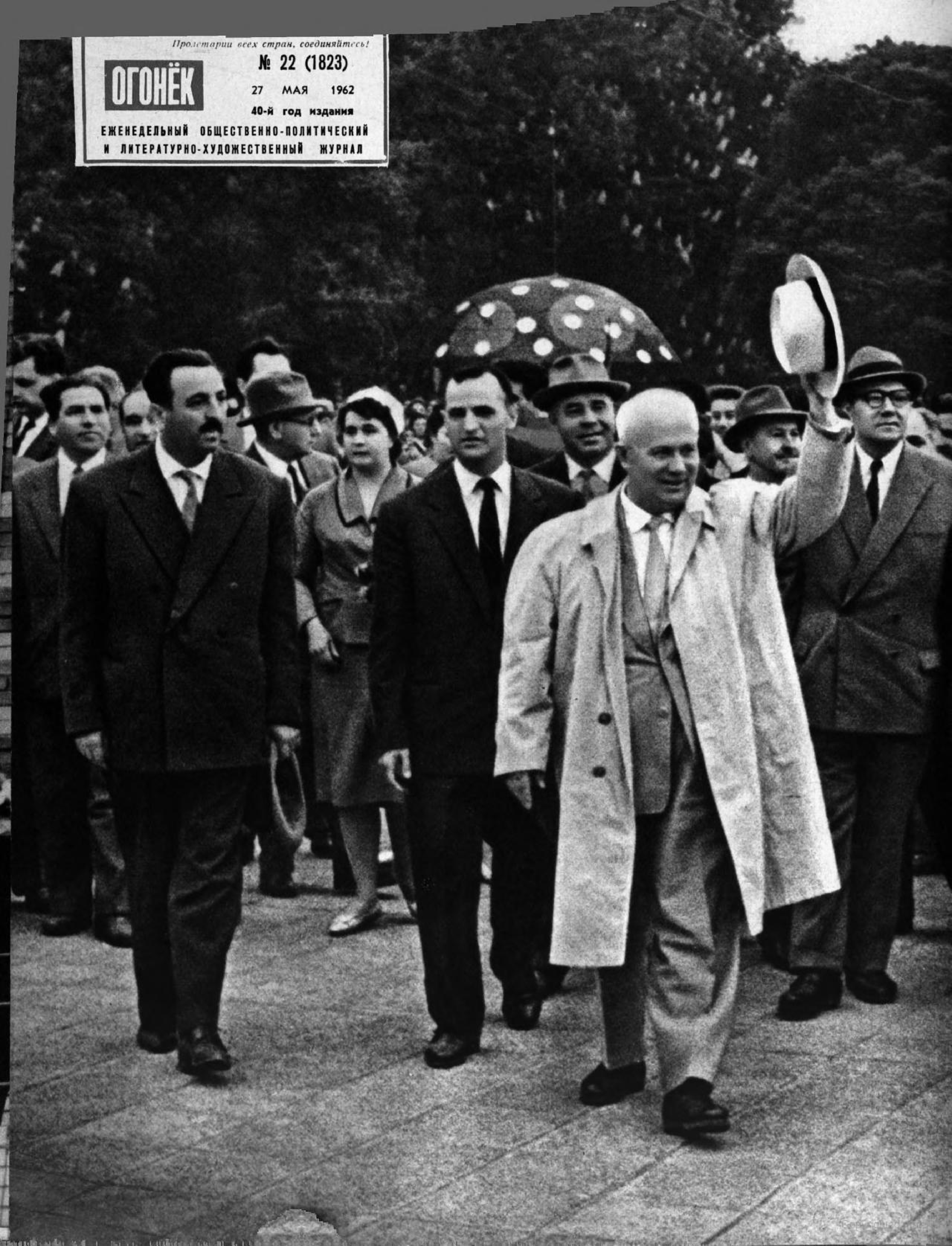

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
НАРОДНОЙ БОЛГАРИИ — РАСТИ И МОЛОДЕТЬ!
НОВАЯ ПОВЕСТЬ Н. ВИРТЫ
Юрий ЖУКОВ. НА БЕРЕГАХ ГАНГА
ВОСЕМЬ КАРТИН М. НЕСТЕРОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 22 (1823)

27 МАЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ

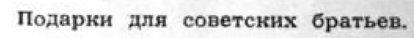

Советская партийно-правительственная делегация в городе Нова-Загора.

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

«...Этот ключ вручают тому, кому верят, как настоящему другу».

Подарки для советских братьев.

Митинг в болгарской столице.

После подписания совместного заявления партийно-правительственных делегаций Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

СЕРДЦЕ ЗА

Ивайла **ВЫЛКОВА**

Трудно сказать, где в нашей Болгарии советская партийно-правительственная делегация во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым была принята наиболее радушно, наиболее горячо. Потому что с первой минуты и до момента, когда «ТУ-104» отделился от взлетной дорожки Софийского аэропорта, чтобы взять курс на Москву, Никита Сергеевич Хрущев и члены советской партийно-правительственной делегации были окружены исключительной любовью и признательностью — чувствами, живущими в каждом болгарском сердце.

Варна встретила советских гостей под вечер, когда с берега моря веял освежающий ветер, когда в наступающих голубых сумерках вырисовывались, словно жемчужины, разбросанные по побережью белые дома, виллы, отели. В этот час привычный курортный пейзаж оживился от ярких всполохов знамен и плакатов. Сонный говор волн не был слышен, потому что жители Варны и окрестных сел пели песни и скандировали здравицы.

На следующий день весь город пришел на площадь, чтобы услышать речи товарищей Н. С. Хрущева и Антона Югова на грандиозном митинге. Огромная толпа варненцев шла

Завод имени Г. Димитрова в Варне — самый крупный судостроительный и судоремонтный завод в Болгарии.

До свидания, Болгария!..

В Добруджанском сельскохозяйственном научно-исследовательском институте советские гости ознакомились с работой ротационной мотыги, усовершенствованной по предложению местного механика Желю Георгиева.
— Очень хорошая мотыга,— сказал Н. С. Хрущев.— Такая будет хороша и на наших полях.

СЕРДЦЕ, ВЕРНОСТЬ ЗА ВЕРНОСТЬ

вместе с гостями по судостроительному заводу, вдоль курортных комплексов «Дружбы» и «Золотые пески», слушая объяснения провожатых, вопросы, замечания и шутки Никиты Сергеевича. Пройдут года — и на «Золотых песках» будут выситься деревья, которые в этот день посадили Никита Сергеевич и Тодор Живков как символ неувядаемой дружбы.

Следующий день был посвящен Добрудже— краю, название которого в прошлом было синонимом нищеты. В эти дни Добруджа встретила дорогих гостей зеленью полей, новыми красивыми домами, лесозащитными поясами, навсегда заградившими путь суховеям. Люди на полях прекращали на несколько минут работу, чтобы горячо приветствовать делегацию и лично Н. С. Хрущева.

В Добруджанском сельскохозяйственном научно-исследовательском институте Н. С. Хрущев — в который уж раз! — покорил сердца наших научных работников и руководителей кооперативов во время обсуждения волнующих и серьезных вопросов сельского хозяйства. Немалое внимание было уделено «царице полей» — кукурузе, которая представляет большой интерес и для Болгарии, поскольку именно с нею связано дальнейшее улучшение общественного животноводства. Специалисты— наши теоретики и практики — никогда не забудут слов Никиты Сергеевича.

— Добруджа, — сказал он, — напоминает нашу Кубань. Здесь имеются замечательные условия для получения хороших урожаев кукурузы, и она должна занять достойное место на этой благодатной земле. Это позволит увеличить валовые сборы зерна, создать достаток кормов для животноводства.

Передовики высоких урожаев и механизаторы с гордостью показывали Н. С. Хрущеву новые машины, охотно принимали советы государственного деятеля, который говорил с ними на простом крестьянском языке.

Мы, журналисты, часто оправдываемся тем, что у нас не хватает слов, чтобы передать величие момента и силу чувств глубоко взволнованных людей. Так было в селе Обнова и в Плевене. Но сам Никита Сергеевич нашел слова, нашел ключ к сердцам, когда выступал с проникновенными речами в тех краях, где земля пропитана кровью тысяч русских богатырей, воевавших за свободу Болгарии, где так много надгробных плит и памятников — свидетелей навеки спаявшей нас дружбы. Никогда не забудутся его выступление на митинге в селе Обнова и встреча с жителями Плевена.

Эти триумфальные дни болгаро-советской дружбы завершились грандиозным митингом в Софии после подписания Совместного заявления партийно-правительственных делегаций Советского Союза и Народной Республики Болгарии. Людское море залило Площадь имени 9 Сентября, чтобы услышать речи Н. С. Хрущева и Тодора Живкова. На этом последнем митинге тысячи и тысячи трудящихся Болгарии как бы повторили слова первого секретаря ЦК Болгарской компартии: «С великой партией Ленина, с Советским Союзом всегда и при всех условиях!».

Три города — Варна, Плевен и София — провозгласили Н. С. Хрущева своим почетным гражданином. В Софии на торжественном митинге председатель исполкома городского народного совета передал товарищу Хрущеву ключ от города. Под несмолкающие возгласы «Ура!» Никита Сергеевич поднял ключ над головой и сказал:

— В том, что вы вручили мне ключ, я вижу символ особого доверия к Советскому Союзу и выражаю вам за это глубокую благодарность народов нашей страны.

Этот ключ будет служить символом вашего доверия к нам и вместе с тем символом предостережения для наших общих врагов: пусть они не мечтают о походах против Болгарии, против других социалистических стран!

Мы идем в будущее — такое светлое и лазурное, как небо над Софией, чистое, весеннее небо, в которое устремился к Москве «ТУ-104».

До свидания, дорогие друзья!

До свидания, наш друг Никита Сергеевич!

Наш народ говорит: «Сердце за сердце, верность за верность». Вы дали нам свое сердце и взяли наше. Вы верны нашей дружбе и всегда будете иметь нашу верность.

Всегда!

Здравствуй, Москва!

Фото Е. Умнова.

Модибо Кейта в СССР

21 мая в Москву с официальным визитом прибыл глава государства и председатель правительства Республики Мали Модибо Кейта. Модибо Кейта — гость Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

22 мая М. Кейта нанес визит Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. На снимке: во время визита к Н. С. Хрущеву.

Фото Е. Умнова.

Пионерии — сорок лет

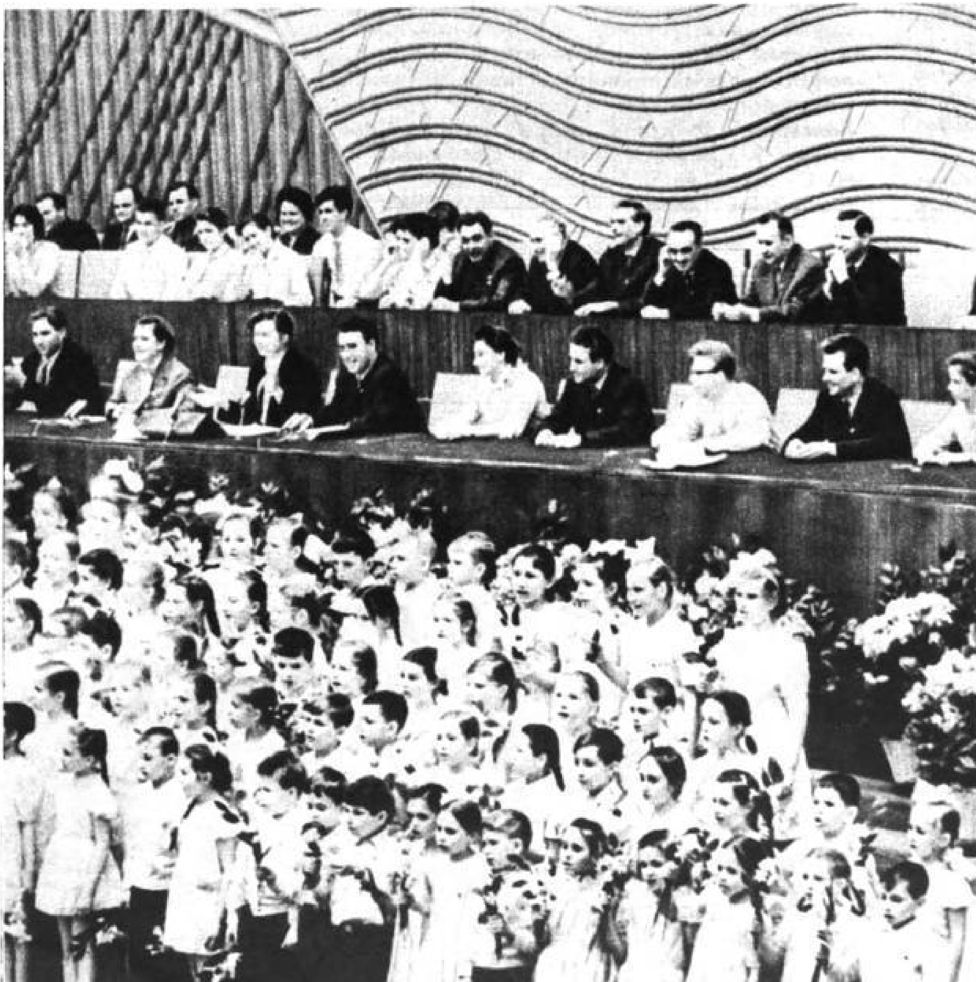
По всей нашей стране прошли торжества в честь славного сорокалетия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

На всю жизнь как большое светлое событие запомнится ребятам торжественная линейка на Красной площади и накануне — торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов, когда был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении пионерской организации орденом Ленина.

НА СНИМКАХ: Слева — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручает орден Ленина Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина; справа — торжественное заседание, посвященное 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина.

Фото Ю. Кривоносова.

НАШ ЗЕМЛЯК ГРИША

Репортаж «Тезка Котовского»[1] был уже сдан в печать, когда на редакционном столе появилось еще одно письмо из Болгарии. Штемпель со знакомым названием города Лом, на Дунае. Прислали письмо и фотографии родители и маленькая сестренка Гриши Лилова. Письмо подписали всем семейством. Сердечно благодарят редакцию журнала «Огонек» за внимание, особенную благодарность просят передать советским людям, окружившим заботой Гришу в Котовске. «Это была забота,— прочитали мы,— всего советского народа, всей советской земли. Мы всегда чувствовали себя у вас как дома, среди самых близких родных и друзей. До сих пор мы рассказываем обо всем этом маленькому Грише, для которого ваша страна отныне — его родина, родная земля».

Затем мы прочитали о том, как маленький тезка Котовского, всякий раз, когда в порту появляются советские пассажирские пароходы «Дунай» и «Амур», встречает их и провожает. Он рассказывает своим ровесникам о стране, где родился, о знаменитом Григории Котовском, чье имя он с гордостью носит. А когда раздается последний гудок и пароход отшвартовывается, Гриша протягивает приветливо руку и долго еще провожает гостей.

В этом же письме наши болгарские корреспонденты рассказали о своем родном городе Лом, о том, что там довольно большой и оживленный порт, что в городе несколько театров, промышленные предприятия, что на площади воздвигнут памятник героям, павшим в борьбе против фашизма. А мы, желая еще узнать о нашем маленьком земляке, случайно наткнулись на довольно любопытные сведения. В этом городе некогда жил знаменитый болгарский революционер-поэт и политический трибун Христо Ботев. И вот оказалось, что Христо Ботев, который учился в Одессе, во Второй гимназии, бывал и в том самом городишке, который ныне называется Котовском. Еще узнали мы о том, что Ботев писал о Ломе: «Плохо живет народ в наших местах...» Даже этот великий человек не мог предугадать, какие гигантские перемены произойдут в наши дни в Болгарии. «Я счастлива, что мой Гриша и маленькая Младенка растут в стране прекрасного коммунистического будущего, — пишет мать Гриши.— Наш город и вся наша страна быстро приобретают новый, социалистический облик. Примите от нас и от нашего города пожелания мира и счастья на земле».

З. ХИРЕН

[1] См. «Огонек» № 21.

На границе...

Фото А. Ерохина.

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

С ПРАЗДНИКОМ ВАС, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ ПОГРАНИЧНИКИ!

ПЕРЕД АНТРАКТОМ

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер.

После девятого тура американские агентства известили мир, что юный чемпион США снова покинул турнирный зал весьма «раздраженным». Настроение молодой американской шахматной примадонне испортил наш одесский гроссмейстер Е. Геллер, который отказался от ничьей и отложил партию с Фишером в ладейном эндшпиле с лишней пешкой.

Роберт Фишер, опираясь на известный афоризм, гласящий, что «все ладейные эндшпили — ничейные», естественно, был недоволен решением своего партнера и заявил на весь шахматный мир: «Эту позицию я сведу вничью даже «левой рукой».

Мы не знаем, какой рукой пользовался Бобби при доигрывании, но вничью свести ему эту партию не удалось. Недаром М. Ботвинник, рассматривая отложенную позицию, сказал: что-то ничьей не видно!

Итак, Бобби Фишер еще раз попал в неудобное положение перед шахматистами. Испытал неудобство и герой этой партии Е. Геллер. Он не мог принять участия во встрече советских футболистов, по дороге в Чили побывавших на Кюрасао. «Но ничего, на обратном пути мы надеемся встретиться с победителями»,— сказал одесский гроссмейстер. Победа советских шахматистов на Кюрасао вырисовывается уже довольно четко, победа наших футбольных гроссмейстеров пока более туманна.

* * *

Десятый тур ознаменовался тремя ничьими. Некоторую осторожность лидеров можно понять. Но Талю в его турнирном положении не до осторожности. Он в гусарском стиле разгромил П. Бенко. Только в десятом туре Талю удалось уйти с последнего места! Да, что и говорить, не на такой результат рассчитывали мы все, провожая Таля на Кюрасао.

Из Кюрасао поступают шахматные бюллетени. Теперь, когда мы получили возможность поближе познакомиться с партиями, нам ясно, что далеко не все ничьи являются результатом миролюбия гроссмейстеров. Взять хотя бы партию из первого тура Корчной — Геллер. Что там творилось! Это одна из самых оригинальных и волнующих встреч последних лет. Впрочем, партии В. Корчного часто протекают в «диком» стиле. Так протекала и его встреча с П. Бенко. Но американский гроссмейстер хорошо разобрался в осложнениях. Так или иначе, а Корчной играет отлично, что, однако, не помешало Е. Геллеру догнать его в 11-м туре. М. Филип по праву считается крепким орешком. Однако Е. Геллер раскусил этот орешек. Это и позволило Е. Геллеру сравняться с В. Корчным.

Менее удачны попытки Таля если не догнать лидеров, то хотя бы перебраться с конца в середину. Экс-чемпион мира встретился вторично с Фишером и ринулся в ожесточенный бой. Партия была отложена с лишней пешкой у Таля, но позиция его вызвала большую тревогу. И действительно, при доигрывании Фишер хорошо использовал свое преимущество и добился победы.

* * *

В двенадцатом туре произошла смена лидера — первое поражение понес В. Корчной от Р. Фишера. Так, Корчной сдал частично свои выгодные позиции и очень значительно повысил надежды американца приблизиться к нашему гроссмейстерскому квартету «Проблема Фишера» снова на горизонте.

Фишер и Таль — оба неудачно взяли старт. Но в то время, как юный американец сумел выбраться из «нокдауна», Таль продолжает пребывать в состоянии «грогги». Новое поражение ему нанес М. Филип.

Итак, на первое место вышел Е. Геллер. Он и Т. Петросян идут пока без поражений. Этого не так-то просто добиться в таком турнире. Да, жарко, очень жарко на острове Кюрасао, и с каждым днем температура на шахматных досках все повышается. Единственная надежда, что близящаяся передышка немного разрядит грозовую атмосферу. Гроссмейстерам предстоит сыграть еще два тура, после чего будет объявлен недельный перерыв.

Этот перерыв необходим не только участникам, но и нам, зрителям. Кюрасао плюс Чили — слишком большая нагрузка для души болельщика.

ОСТРОВ КЮРАСАО

Рисунки В. Гальба и М. Ушаца.

Если посмотреть на остров в специальный бинокль...

...то уже издали можно увидеть его характерные очертания.

Вечерами кюрасавцы и кюрасавицы любят встречаться под часами. Порой свидания затягиваются до цейтнота.

В адрес
Москва, «Огонек»

«КАРУСЕЛЬ» СЕБЯ ЕЩЕ ПОКАЖЕТ

В № 51 «Огонька» за прошлый год я прочла очерк И. Винниченко «Карусели, карусели»... Пишу вам не только потому, что очерк этот мне понравился, но еще и потому, что он немножечко про нас.

Сейчас в колхозе «Памяти Ильича», в Крымском районе, Краснодарского края, мы строим крупнейшую в стране комплексную ферму на тысячу коров и 500 телят по проекту инженера И. И. Тесленко. Тесленко — герой вашего очерка, а наш большой друг.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС был решен вопрос об инспекторах-организаторах. У нас такой организатор уже давно есть. Это Тесленко. Только сфера деятельности у него шире, чем у обычных инспекторов-организаторов, — Омская, Кустанайская, Свердловская и другие области. Приезжает он в колхоз или совхоз и сразу находит с людьми общий язык, и закипает работа на строительных площадках.

И. И. Тесленко не только хороший организатор, он настоящий ученый. Правильно говорил Н. С. Хрущев, что давно пора пересмотреть смехотворные диссертации,— на этом мы тоже сэкономим немалые государственные средства. Если бы все наши ученые занимались такими же актуальными проблемами, как Тесленко, какая была бы польза! Такому человеку хочется подражать.

Сама я окончила сельскохозяйственный институт. После окончания назначили меня на должность главного специалиста, но меня захватила идея крупной комплексной животноводческой фермы, и я пошла бригадиром. Хочется детально заняться изучением этого вопроса, взяться за дело по-настоящему. И я верю, что наша ферма добьется самых высоких экономических показателей в Советском Союзе! Мы всем коллективом добьемся этого.

Я сама работала на «елочке» и знаю, чем хороша эта установка и какие есть в ней недостатки. Но зачем же противопоставлять ее «карусели»? Обидно, что делают это ученые. Нельзя мешать людям искать новое. А «карусель» себя уже показала и еще покажет.

Н. КИРИЕНКОВА,
ученый-зоотехник

Вот они, «профессиональные солдаты», доставленные на американских военных кораблях в Таиланд.

Разгромленные силы мятежников перебрались в Таиланд. Отсюда они, оснащенные американцами, вновь вернутся в Лаос.

В Калькутте у здания американского консульства недавно состоялась демонстрация протеста против высадки американских войск в Таиланде. На плакатах, которые несли демонстранты, было написано: «Американский империализм, прочь руки от Азии!».

Фото ЮПИ, И. Гутмана и Е. Яцуна.

ПРОВОКАТОРЫ НАКАЗАНЫ, ПРОВОКАЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Американский генерал Поль Харкинс, тот самый, который командует вооруженными силами США в Таиланде и Южном Вьетнаме, заявил, что американские морские пехотинцы, высадившиеся в Таиланде, являются «профессиональными солдатами», «хорошо освоились и знают, что им делать».

Откровенно говоря, генерал не сказал ничего нового. Репутация морской пехоты США как главной силы военных провокаций достаточно известна еще со времен американской агрессии против Кубы в конце прошлого века. На этот раз морские пехотинцы топчут чужую землю для того, чтобы помешать мирному урегулированию в Лаосе, превращению его в независимое, миролюбивое, нейтральное государство.

Группа лаосских реакционеров, возглавляемая Бун Умом и Фуми Носаваном, имеет своей единственной поддержкой заокеанскую помощь. От шнурков в солдатских ботинках мятежников до звездочек на генеральских погонах их главарей там все американское. И стреляют мятежники американскими пулями из оружия с клеймом «Сделано в США». Стреляют по тем людям, которые добиваются счастья для своей страны. Одна из последних провокаций в Лаосе была предпринята 5 мая, когда большие силы мятежников сделали попытку атаковать позиции войск законного правительства и Патет-Лао. Ими руководил американский полковник. Провокация полностью провалилась. Нарушение соглашения о прекращении огня в Лаосе не прошло для мятежников даром. Под ответными ударами патриотических сил они оставили город Нам-Та и бежали.

Соединенные Штаты решили укрепить позиции лаосской реакции посылкой своих войск в Таиланд, на границу с Лаосом. Генерал Поль Харкинс, похваляющийся достоинствами морских пехотинцев США, однако, переоценивает силу американского оружия. Если бы он получше знал историю последних лет, ему было бы известно, что оружие империалистов все чаще и чаще дает осечку.

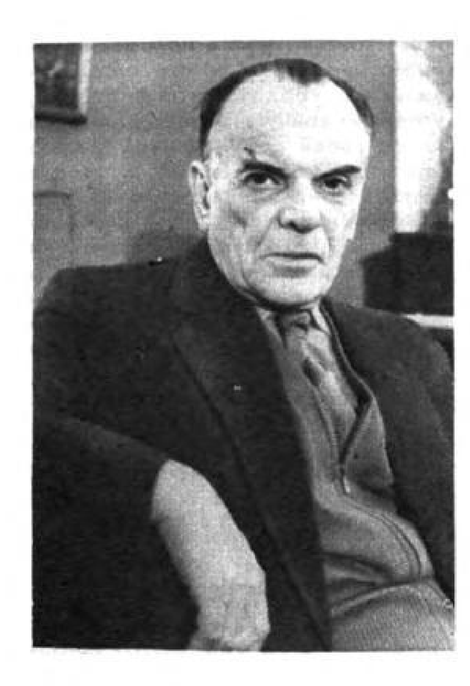
Народ Лаоса вправе сам решать свои проблемы. Он хочет жить мирно, хочет, чтобы Лаос был независимым. Поэтому он негодует, видя, как «профессиональные солдаты» из чужой страны продолжают провокации, пытаются диктовать ему свои условия. Его негодование разделяют все честные люди земли.

Он защищает Лаос. Солдат войск законного правительства.

Это не «профессиональные военные». Это бойцы Патет-Лао. Они хотят, чтобы Лаос был независимым, мирным.

Константин Паустовский

На берегу тихой глубокой речки с ее заводями, заросшими ряской и кувшинками, у широких отмелей Оки, в глухих, таинственных лесах Мещеры с черной водой заболоченных мест, в шуме набегающих волн Черного моря, под голубым, льющим свет и блеск небом Украины, а больше всего в русском пейзаже средней нашей полосы с ее березовыми рощами и тихой, скромной красотой, какую не превзойдут никакие красоты мира,— всюду слышишь голос Константина Паустовского. Всюду бродил он, неутомимый путник, чудесный наблюдатель и рассказчик, в утренние росные утра шел с удочками куда-нибудь в тихое, поэтическое место над омутом, и я думаю о том, как отлично в эти ранние часы побеседовали бы друг с другом два испытанных рыболова — Чехов и Паустовский.

Пейзаж для истинного художника — это не любование статикой природы, а действие его души. Пейзаж, который так умеет писать Паустовский, всегда служит лишь для выражения чувств его героев. В рассказах Паустовского не застучит осенний дождь по крыше дома и не понесет снежные хлопья метель, если это не определяет душевного состояния его героев; природа в его рассказах живет с человеком, она его спутник и советник. Оттого так много всегда в книгах Паустовского отсвета самых тонких чувств, настроений и глубокой мысли человека, который в движении воды, в росте трав, в шуме дождя, в облаках, проплывающих над его головой, находит созвучие своему душевному строю.

Паустовский обрел счастливую судьбу писателя: его любят читатели, ждут его книг и еще ни разу не обманулись в своих ожиданиях. Он писатель твердой поступи и пишет только о том, что ему необходимо написать по его писательской совести. Это богатый мир, и всегда радуешься творческому богатству Паустовского. Десять лет назад, когда отмечалось его шестидесятилетие, Константин Георгиевич сказал: «Мне так много нужно еще написать, что просто боишься считать годы». Но ведь настоящему писателю всегда кажется, что главного он еще не написал, ему всегда мало времени, и, конечно, подлинная глубина искусства и состоит в том, что ее не измеришь и что неосуществленное и лишь задуманное является всю жизнь двигательной силой для художника.

На медленной, но глубокой речке Удай с ее бочагами, заросшими осокой и курчавым рдестом, или с темными глубинами у яров в ранний утренний час, когда солнце только всходило и даже зеленые стрекозы, похожие на светящиеся стрелки часов, еще дремали на стеблях плавучих растений, меня спросил в этот час спутник по рыбной ловле, местный учитель Иван Кирилленко:

— Вы знакомы с Константином Паустовским? Он хороший рыболов?

— Отличный,— ответил я.— Попадись ему на удочку кит, он и его вытащит.

— Я понимаю вас,— произнес учитель значительно.— Метафора — это троп.

— Вот именно — троп,— подтвердил я.

— Я его китов люблю,— сказал учитель, забрасывая леску.— Но у него и пескари замечательные.

Мы с учителем говорили внятным ему тропом, иначе — переносным оборотом речи, а Иван Христофорович был явно доволен, что мы оба любим Паустовского и понимаем друг друга, как положено рыболовам. Мы с ним ничего не поймали в то утро, но оказалось, что нам это и не нужно. Мы просто, пока солнце не поднималось высоко, говорили о литературе, пояснили друг другу, за что любим Паустовского, и я пожалел, что Константин Георгиевич не был с нами, но он все-таки был с нами, во всяком случае нам казалось, что он с нами.

— Увидите Паустовского, передайте ему, что ждем его новых книг, ждем и будем читать их с щирым сердцем.

Спрашивали меня о Паустовском и более дальние его читатели: словацкие, и норвежские, и польские писатели. Всюду давно уже звучит слово Паустовского, он нашел читателей, которые полюбили его слово и, подобно учителю из Лубен, ждут его новых книг.

Много лет назад я впервые прочитал рассказ дотоле неизвестного мне писателя Паустовского и помню радость, какую испытал, ту профессиональную, особую радость, когда в области тебе близкой появляется что-либо значительное по своему внутреннему звучанию и мастерству. С тех пор ряд книг написал Паустовский, и в каждой книге слышишь это внутреннее звучание, ощущаешь зоркость писателя, его бережные слова, его любовь к человеку и к природе, которую в огромной степени уже создает человек сам: так преобразуются реки, рождаются моря, осушаются болота, приводятся в действие умные гидротурбины, свет проникает в темные дебри Мещеры, и Колхида перестает быть поставщицей малярии. Умный и светлый писатель видит преображение своей страны и призывает к этому преображению. На примере судеб своих героев он призывает также к человечности и милосердию; он хочет, чтобы человек жил мудро и справедливо, чтобы, говоря словами Тютчева, человек научился понимать, что природа не слепок и не бездушный лик, и лишь душевно глухонемые люди ничего не слышат, даже голос самой матери не встревожит их.

Глубокий художник никогда не учительствует. Он дает уроки примером своих пластических слов и образов, а не говорит: «Любите природу»,— он лишь показывает, как прекрасна природа, он вовлекает читателя в свой круг, и они следуют за ним, плененные его мыслью и словом. Это ненавязчиво по своей сути, но нет более убедительного урока и более увлекательного урока, как это показывает вся история литературы. Говоря о любви Паустовского к природе, его нередко сравнивают с другими писателями, много писавшими о природе. Это неверно, потому что при всей своей любви к природе Паустовский никогда не пишет только о природе. Он пишет прежде всего о человеке, и поэтому именно его книги встречают такой отклик в сердце.

Константину Георгиевичу Паустовскому исполняется семьдесят лет. Но когда возраст определял действие истинного художника? Только щедрее и совершеннее становятся его книги, тоньше наблюдения, глубже обобщения. Зрелое мастерство и годы подчиняются ему, они бессильны перед ним. В этом и есть одна из особенностей и преимуществ искусства.

К словам о своей читательской любви к Паустовскому я хотел бы добавить и слова о человеческой любви к нему, справедливому, строгому в своей внутренней честности и писательской правде. Это так хорошо, когда можно обо всем этом написать не по юбилейному поводу, а по душевной необходимости, ничего ради круглой даты не прибавляя и не преувеличивая. Паустовский никогда не обманывал своего читателя. Не обманывает его и читатель, выражая любовь к писателю и его слову. Это именно так, дорогой Константин Георгиевич!

Вл. ЛИДИН

ТВОРЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

В Ростове-на-Дону три дня работал выездной секретариат правления Союза писателей Российской Федерации. На секретариате с докладом «Современность на страницах журнала «Дон» и в произведениях писателей юга России» выступил А. Софронов, с содокладами — С. Смирнов, В. Друзин, С. Михалков. Затем собравшиеся всесторонне обсудили творчество многих писателей Дона, Кубани, Ставрополья.

Заключил совещание председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев.

Слева направо: писатели Леонид Соболев, Ашот Гарнакерьян, Аркадий Первенцев, Виталий Закруткин в перерыве между заседаниями секретариата.

ПОЗНАКОМИМСЯ ЖЕ С БАЛУЕВЫМ!..

А не надо ли напомнить, кто такой Балуев, и сказать, почему известный своей взыскательностью старейший русский театр — Ярославский драматический имени Волкова — решил со своей сцены представить Балуева зрителям?

Да, пожалуй, надо. Несмотря даже на то, что «Знакомьтесь, Балуев!» — повесть Вадима Кожевникова, получившая широкое признание, достаточно хорошо запомнилась читающей публике.

Великое дело зримость! И когда она не иллюстративна, то произведение литературы становится на наших глазах либо произведением театра, либо произведением кино, вроде бы рождается на свет еще раз.

Вот и теперь именно так — сызнова — родился Балуев на ярославской сцене.

Шагнув из повести Вадима Кожевникова в пьесу, а затем и к рампе, к зрителям, уже немолодой, рыжеватый, коренастый человек появляется перед занавесом со смущенной и доверчивой, добродушной улыбкой:

— Знакомьтесь, Балуев!..

Сразу же подкупленные этой живой интонацией, как и всей вообще непосредственностью, искренностью обращения, мы и начинаем знакомиться с Балуевым, превосходно сыгранным народным артистом республики С. Ромадановым.

На первый взгляд его герой будто даже несколько обычен и простоват. Сколько таких работников периферийного масштаба — разговорчивых, общительных и простосердечных — встретится вам в любой гостинице областного, а еще чаще районного значения, в городах, где идет большая стройка! Но не спешите с выводами, приглядитесь к Павлу Гавриловичу Балуеву поближе. И вас поразит самая незаурядность этой простоты, молодость души, ясность и какая-то незащищенная открытость характера.

Вам было показалось, что вы уже совсем хорошо узнали Балуева, совсем близко познакомились с ним. Однако эта прекрасная человеческая натура поворачивается к вам все новыми и новыми гранями. И вас снова и снова пленяет завидная участь строителя, работающего увлеченно, с азартом, с неиссякающим интересом к делу и к людям.

Глядя на то, как живет и трудится Балуев, редко кому не захочется стать строителем! А ведь авторы пьесы В. Кожевников и О. Табачникова перенесли в нее из повести наиболее трудные и драматичные моменты, переводя на язык сцены нелегкую историю строительства газопровода.

Впрочем, разве об этом рассказывает спектакль?

История строительства?.. Да! Только это — строительство особое. Это стройка судеб. Стройка характеров. Стройка мировоззрения молодежи, которая во множестве окружает Балуева. И хоть сам он с сокрушением говорит о себе: «Не педагог! Не Макаренко!»,— рядом с ним растут на редкость славные парни и девушки, столь же горячо влюбленные в жизнь и труд...

За три часа, проведенные в театре, мы не просто познакомились с человеком, которого зовут Балуевым. Мы успели еще и полюбить его. За простой, веселый нрав, добрый юмор, за постоянную отзывчивость и неистощимое терпение, умение настоять на своем. За партийность, прямоту и честность, не декларируемые героем, но безошибочно угадываемые чутким зрительским сердцем.

С уверенностью можно сказать: не только ярославской публике доставит радость этот новый знакомец — Балуев.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Через моря и океаны

В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, открылась творческая выставка талантливого советского фотомастера, фотокорреспондента журнала «Огонек» Николая Козловского.

Эта выставка прибыла в Москву из Киева, где ее за две недели посетили тридцать тысяч человек.

«Через пятнадцать морей и два океана» — так называется экспозиция. Ее автор — человек острого журналистского видения — запечатлел на своих фотографиях жизнь людей разных континентов.

Радостный труд и неустанный творческий поиск советского человека, думы Африки, свободолюбивый дух азиатских народов выразительно и ярко отражены на 150 цветных и черно-белых снимках, представленных в Доме дружбы.

Николай Козловский участвовал более чем в сорока международных выставках. Многие его работы были удостоены золотых, серебряных и бронзовых медалей в различных странах мира.

Записи в книге отзывов свидетельствуют о том, что творческий отчет Николая Козловского тепло принят москвичами.

Н. Козловский и старейший фотохудожник Н. И. Свищев-Паола на открытии выставки.

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Разбуженное се

Позовите ко мне из двадцать девятой палаты больную Соколову [1].— Академик Александр Николаевич Бакулев прищурился, повернулся в кресле и стал молча глядеть в освещенное весенним солнцем окно.

Через несколько минут в дверь кабинета заглянула невысокая женщина лет пятидесяти.

— Можно? — тихо спросила она.

— Заходите, заходите, мы вас ждем... Это Нина Григорьевна Соколова. Месяца два назад она умерла в нашей клинике. Да, умерла, но была оживлена и теперь, как видите, благополучно здравствует.

В кабинет входит сравнительно молодой человек в белом халате. Он сдержан, по-военному подтянут, у него ладная, гибкая фигура спортсмена.

— А вот и наш спаситель...— Кивком головы Бакулев приглашает нас знакомиться: — Кандидат наук, скоро и доктором будет. Бредикис Юргис Иосифович...

Вернемся немного назад

Утром 28 марта 1961 года в приемном покое Каунасской больницы срочно вызванный туда доктор Бредикис настойчиво выводил из бессознательного состояния только что доставленного больного. Три сердечных приступа следовали друг за другом, и временами казалось, что жизнь человека оборвется еще здесь — на пороге больницы.

Позже, придя в себя, больной Кречкус рассказал, что всего несколько месяцев назад чувствовал себя вполне здоровым, занимался физическим трудом, случалось, выпивал, много курил. И вдруг начались эти проклятые приступы.

Врачи называют их «сердечным бредом». На протяжении одной минуты показания электрокардиографа подчас причудливо меняются: кривая то скачет на узкой ленте, будто ее выписывает дрожащая рука, то угрожающе вытягивается в прямую. Это значит, что на каком-то участке сердечной мышцы нарушилась или даже вовсе прекратилась проводимость нервных импульсов — произошла блокада,— в результате расстроился нормальный ритм сердца.

Во время приступов сердце Кречкуса выплясывало причудливую чечетку — предсердия сокращались со скоростью 86 раз в минуту, а желудочки — только 28 раз. Пульс сразу становился редким, а временами едва улавливался. Больной жаловался на сонливость, головокружения, все чаще и чаще терял сознание.

Жизнь людей, страдающих полной атриовентрикулярной блокадой сердца (так в медицине называют это тяжелое и, увы, не такое уж редкое заболевание), резко укорачивается. А когда начинаются частые приступы, то уж никто не может предсказать, в какой момент сердце окончательно остановится.

У Кречкуса все симптомы предвещали скорую развязку. А в арсенале общепризнанных лечебных средств уже не оставалось ни одного, на которое еще можно было надеяться.

Это был тот случай, когда врач мог со спокойной совестью сказать: «Сделано все, что возможно».

И вот, невзирая ни на что, Бредикис распорядился готовить больного к операции. Распоряжение врача прозвучало как вызов установившимся канонам. Ни в одном учебнике хирургии нет описания операции, применяемой при полном нарушении проводимости нервных импульсов. На что же сейчас мог рассчитывать врач? И не забыл ли он, что больному 78 лет, что его организм уже не реагирует даже на самые сильные сердечные средства?

Нет, Бредикис ничего не забыл. На протяжении полутора-двух лет он, не зная о существовании Кречкуса, деятельно готовился к встрече с ним. Не спал ночей, обдумывая каждый свой будущий шаг, каждое препятствие, которое мог встретить. Просиживал недели в библиотеках, собирая по крупицам скудные сведения. Вместе со своим другом — инженером П. П. Казакевичусом — что-то мастерил долгими зимними вечерами, до хрипоты спорил с ним о каких-то чертежах, бегал по магазинам в поисках мельчайших триодов, диодов, потенциометров, конденсаторов. Повергая в смятение хозяйственников, требовал в лабораторию новые десятки собак и, включив сконструированный им прибор, заставлял сердца подопытных животных то биться в бешеном ритме, то резко замедлять свои сокращения.

Наконец пришел решающий день. Это было 8 апреля 1961 года. Бледного, полуживого Кречкуса положили на операционный стол. Он лежал недвижимый, и только чувствительные приборы едва улавливали в нем признаки жизни.

— Оперировать? В таком-то состоянии? — засомневались в последний момент терапевты.— Что способно дать такое вмешательство хирурга при полной блокаде проводящих путей сердца? Нет, риск не оправдан.

Спор решил заведующий кафедрой госпитальной терапии член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор З. И. Янушкевичус.

...И вот началась необычная операция, первая такого рода в Советском Союзе.

Операция

Ассистенты хирурга еще только занимали свои места, врач-анестезиолог в последний раз проверял работу наркозного аппарата, операционная сестра еще возилась у столика с инструментами, когда у Кречкуса неожиданно остановилось сердце.

Бредикис и его помощники были готовы и к этой неприятности. Несколько сильных импульсов напряжением в 110 вольт — и на восемнадцатой секунде писчики электрокардиографа вновь зачертили кривую жизни. Теперь скорее, не терять ни одного мгновения. Сделан разрез у основания четвертого ребра и...

Стоп! Вновь остановилось сердце. Лицо больного начало синеть, зрачки расширились, артериальное давление не определялось. С лихорадочной поспешностью хирург вскрывает грудную клетку. На это уходит всего две секунды, но они кажутся часами. Наконец вот оно — заснувшее человеческое сердце!

Нежными, размеренными ударами пальца Бредикис будит сердце, понуждает его к действию. Так мы бережно раскачиваем маятник у только что остановившихся часов. Ну, ну же, сердце! И оно подчиняется. Пять-шесть едва уловимых мерцаний — и вот забилось, медленно, словно с натугой, но забилось.

Снова вперед! Что это? Передняя поверхность правого желудочка обильно покрыта жиром, он мешает видеть, но убирать его нет времени. Надо поскорее прошить тонкой проволочной нитью мышцу сердца. Прокол — пошла кровь, но не это сейчас самое страшное...

Опять угрожающе замер электрокардиограф. И снова легкое постукивание пальцем — проснись, стучи, гони кровь, сохраняй жизнь! Сердце зашевелилось, задвигалось. Но металлическая нить не удерживается в дряблой старческой мышце.

— Шелковую лигатуру! Скорее! — командует Бредикис.

Два удачных стежка — и проволочка прикреплена к сердечной сорочке. Теперь потопить оголенный конец в мышце и закреплять вторую проволочку.

— Юргис Иосифович, асистолия! — Это врач, следящий за показаниями электрокардиографа, сообщает, что сердце вновь замерло.

Надо видеть лицо, нет, не лицо, а глаза хирурга — суженные, сосредоточенные, напряженные,— когда он стучится в чужое сердце.

Пока уверенным проколом кожи Бредикис выводит наружу обе тончайшие проволочки, концы которых закреплены в сердечной мышце, пока он наглухо зашивает операционную рану, сердце Кречкуса еще два раза останавливается и дважды, послушное воле хирурга, заново начинает свою работу.

Наконец можно подключить к этим проводам, торчащим над грудной клеткой больного, электронный импульсатор. Он очень мал — немногим больше спичечной коробки,— но в нем заключена удивительная способность навязывать сердцу ритм биения, угодный врачу. Только справится ли со своей ответственной ролью этот прибор, созданию которого было отдано столько сил?

Врачи и сестры молча стоят у операционного стола. Больше они уже ничем помочь не могут! Медленно тянется время. Вот дрогнули ноздри, затрепетали веки, тронулся мускул на щеке... Сердце больного, подчиненное неукротимой силе электричества, начало размеренно отсчитывать свои законные 60 ударов в минуту.

Бредикис твердо верил: теперь его больной будет жить, должен жить!

Сердце и электричество

Уже очень давно ученые установили, что сердце человека заряжено электрически и посылаемые им токи можно регистрировать. Так родилась электрокардиография — неоценимый диагностический метод, помогающий врачам раньше и точнее распознавать сердечные недуги.

Простая логика подсказывала, что орган, выделяющий токи, должен и сам на них реагировать. Еще в 1802 году племянник знаменитого Гальвани, его верный ученик и последователь Альдини, проделал первый пробный опыт. Он раздобыл через два часа после казни труп обезглавленного преступника и пытался расшевелить его сердце электрическим током. Альдини не знал, что причина его неудачи — опоздание. Эту ошибку вскоре исправил ученый из Турина — Вассали. Под действием электрических разрядов сердце другого казненного стало сильно сокращаться.

С тех пор десятилетие за десятилетием физиологи всех стран, в том числе и Советского Союза (Л. С. Ульянинский, Е. К. Жуков, Е. Б. Бабский, Н. С. Джавадян и многие другие), проделали бесчисленное количество опытов, изучая действие электричества на работу сердца. Однако лишь в самые последние годы данные экспериментов сделались достоянием лечащих врачей. Толчок этому дало мощное развитие операций на сердце и применение таких чрезвычайных мер, как искусственное охлаждение больного, искусственное кровообращение и т. д. Для того, чтобы ликвидировать, например, отверстие в межжелудочковой перегородке, хирург должен наложить швы. Но у него нет гарантии, что при этом не окажутся сдавленными какие-то нервные волокна. По данным известного американского исследователя Лиллихея, нормальная проводимость нервных импульсов нарушается почти у 10 процентов оперированных по поводу таких заболеваний сердца. Но против этого грозного осложнения бессильны почти все известные медикаментозные средства. Одна только электрическая

---

[1] Здесь и дальше фамилии больных изменены.

стимуляция способна исправить положение.

Благодаря развитию электрокардиографии теперь во много раз чаще и точнее диагностируется блокада сердца. Как правило, болезнь эта обрушивается на людей внезапно и ставит в тупик даже опытных специалистов. И снова их взоры обращаются к спасительному средству — электрической стимуляции.

Как всегда, спрос рождает предложение. Во всех почти странах мира находятся свои изобретатели, предлагающие все новые и новые типы электростимуляторов сердца. Одни ученые отдают предпочтение внешним электродам, накладываемым на кожу больного, другие вводят в сердце проволочку с полой иглой, третьи вшивают в тело миниатюрные «электростанции». Какой метод лучше, говорить еще рано: слишком мало накоплено опыта. Значит, нужны факты — много фактов! — чтобы научное обобщение покоилось на большом, всесторонне проверенном материале.

И в копилку мировой науки стекаются очень интересные, подчас сенсационные факты. Вот некоторые из них.

...В лондонском госпитале св. Георга 65-летнему Ш. вшили в желудочки сердца электроды, соединенные с находящейся поблизости в теле вторичной катушкой стимулятора. Раз в неделю больной приходил в госпиталь ночевать. Пока он спал, к его сердцу приближали первичную индукционную катушку и с ее помощью заряжали «сердечную электростанцию» еще на семь дней.

Или вот другой случай. В клинику поступил в очень тяжелом состоянии 50-летний С. Во время частых приступов сердце этого больного останавливалось порой на 25—30 секунд. Тогда врач вживил в сердечную мышцу своего пациента два электрода. На протяжении четырех месяцев С. жил благодаря электрической стимуляции. Потом его сердце забилось в нормальном ритме, и больного выписали, взяв с него слово, что при первой же угрозе он немедленно подключит стимулятор. Самочувствие С. было настолько хорошим, а спортивный азарт настолько велик, что по секрету от своего врача он стал поигрывать в гольф.

Впрочем, по-своему отличился и недавний пациент доктора Бредикиса 78-летний Кречкус. Выйдя из Каунасской больницы без стимулятора (после лечения у него восстановился нормальный ритм сердца), Кречкус занялся своим старым делом — борьбой с нарушителями правил рыбной ловли. Долгими часами он разъезжал в весельной лодке, выслеживая браконьеров. Однажды в пылу такой охоты Кречкус простудился, заболел гриппом и вновь попал в больницу с тяжелыми сердечными приступами. Врачи срочно подключили электростимулятор, выровняли ритм сердца, убедились, что все в порядке, и снова выписали из больницы неугомонного старика, строго-настрого запретив ему прогулки в лодке.

Огорчения и радости

С конца прошлого года Юргис Бредикис стал работать в Москве, в клинике академика А. Н. Бакулева. Замечательный ученый, выдающийся советский хирург сразу по достоинству оценил смелые начинания молодого каунасского экспериментатора. Можно только пожалеть, что такого же пристального внимания к весьма перспективной работе не проявили в других организациях. А больные — с Урала, Украины, Грузии, Сахалина — тянутся за помощью, и нельзя, горько отказывать им из-за отсутствия стимуляторов.

Недавно в московском научном обществе терапевтов Ю. Бредикис демонстрировал одного из своих больных, Кривкова, который два месяца назад был выписан из клиники домой. Когда председательствующий, действительный член Академии медицинских наук СССР профессор А. Л. Мясников, предоставил слово врачу, зал настороженно притих. После краткой информации о диагнозе и данных лабораторных исследований оголенный до пояса Кривков медленно пошел в сопровождении Бредикиса между рядами. Лучшие терапевты столицы прикладывали к груди этого человека свои фонендоскопы, прикрыв глаза, вслушивались в ритм сердца, придирчиво определяли пульс, бережно притрагивались к торчащим над кожей двум тоненьким проводам, задавали десятки вопросов. И когда Бредикис с Кривковым вновь поднялись на сцену, видавшие виды врачи стали бурно аплодировать.

— Все, что вы сейчас увидели,— сказал собравшимся академик Бакулев,— казалось бы, никого не должно оставить равнодушным. Но все-таки равнодушные есть! — В голосе ученого звучат гнев и обвинение.— Иначе как могло случиться, что люди, чьи сердца бьются только благодаря электрическому стимулятору, вынуждены носить через плечо этакие сумки и в них аппараты чуть ли не в килограмм весом? Разве не в состоянии мы в двадцать — в тридцать раз облегчить стимулятор, сделать его более портативным, удобным, если хотите, красивым? Доктор Бредикис создал хороший образец маленького электронного стимулятора, но единственная модель бездействует из-за отсутствия микроаккумуляторов.

Нелепо и обидно, что успешное лечение тяжело больных зависит от техники, а не от возможностей хирургов.

И в самой проблеме много еще неясного, неизученного.

Бредикис считает, например, что стимулятор при нарушениях проводимости не лечит, а лишь выполняет роль электронного протеза сердца — помогает ему пережить лихую годину «хаоса в ритме». Но как в таком случае объяснить тот факт, что у Кречкуса и Соколовой после электростимуляции почти полностью восстановился свой, нормальный ритм сердечных сокращений?

Надо ли и впредь строго ограничивать показания к этой операции и прибегать к ней лишь как к самой крайней, вынужденной мере, или это не так?

Недавно у одного оперированного через месяц неожиданно вновь нарушился ритм сердца. Врачи подозревают, что произошло это из-за разрыва тоненькой проволочки — электрода. И в том нет ничего удивительного. Сердце человека совершает в течение года почти 32 миллиона движений. Какой же должна быть прочность металла, из которого изготовлен миниатюрный электрод? Видимо, одним врачам не под силу решить эту проблему.

Нередко блокада проводящих путей резко утяжеляет течение инфаркта миокарда. Сумеет ли в таких случаях помочь электростимулятор?

Подобных вопросов множество.

...Мы беседуем с доктором Бредикисом в одной из лабораторий хирургической клиники. Перед нами молодой, полный сил и энергии человек — многообещающий ученый, разносторонний спортсмен, радиолюбитель. Он с жаром говорит, что недалеко время, когда электростимуляторы станут непременной принадлежностью всех машин «Скорой помощи», всех городских и сельских больниц, поликлиник.

Больные с нарушениями проводящих путей сердца должны жить, долго жить! Зачем им умирать, если в руках врача стимуляторы!

* * *

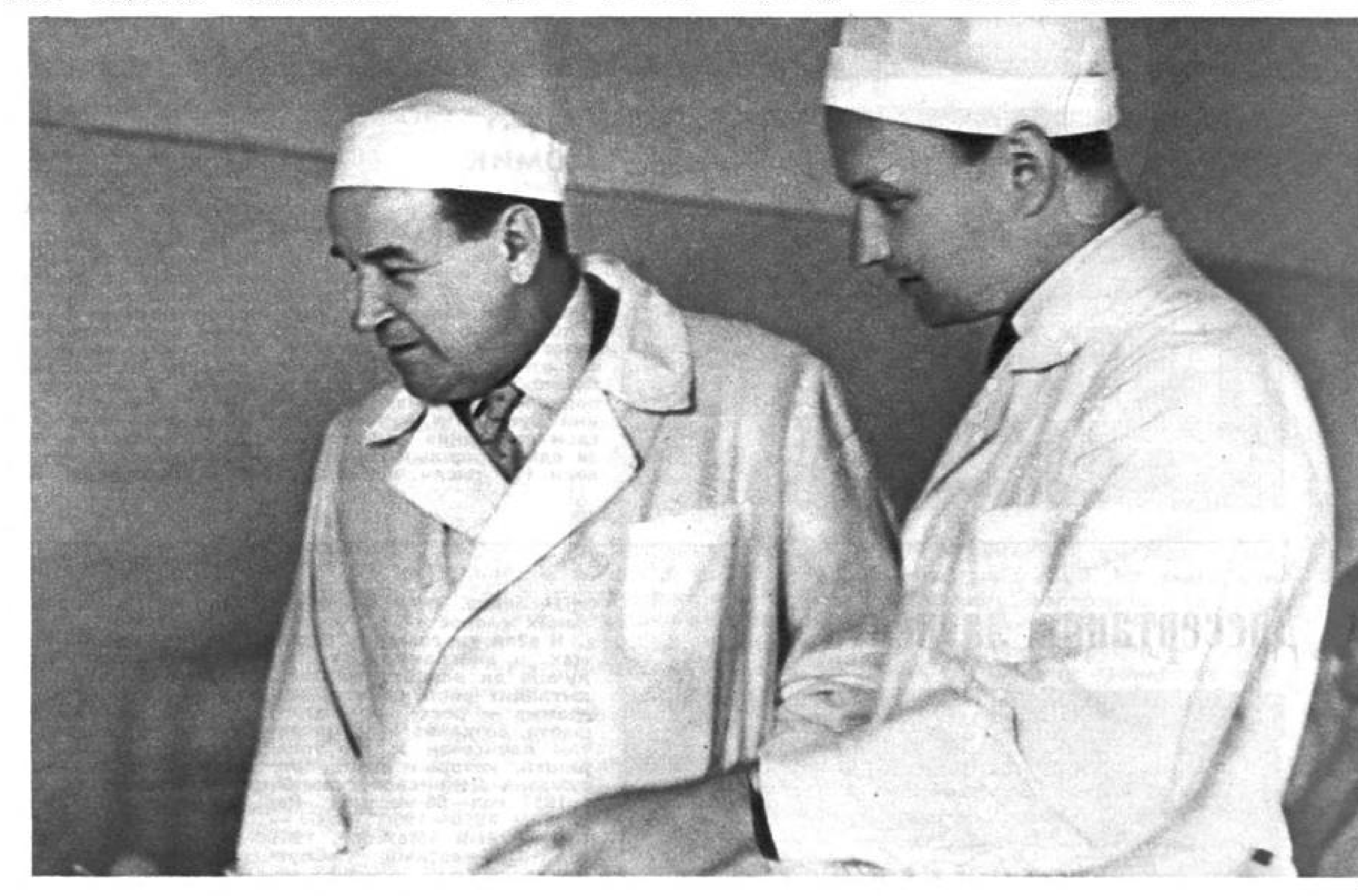
Со времени этой беседы прошло около месяца. Мы вновь встретились с доктором Бредикисом. Еще издали я заметил, что он оживлен.

— Лед тронулся, понимаете, и как еще тронулся! Начинанием клиники Александра Николаевича Бакулева заинтересовались организации очень специализированные, очень далекие от медицины. Взялись нам помочь — просто так, на общественных началах. Все, что есть передового в электронике и радиотехнике,— все применяется. На днях уже будут готовы новые образцы.

Правда...— мой собеседник задумывается,— по этим опытным образцам предстоит налаживать выпуск десятков, может быть, сотен электростимуляторов. Как еще с этим будет?..

Не хочется разделять сомнения искателя. Решится и этот вопрос! Обязательно решится, доктор! Дело-то ведь идет о прогрессе нашей медицинской науки, о здоровье и жизни людей!

рдце

Академик А. Н. Бакулев и кандидат медицинских наук Ю. И. Бредикис.

Фото И. Тункеля.

КРАСНЫЙ КРЕСТ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Татьяна Дорохина и Александра Ивановна Рубцова. Фото А. Бирюлиной.

Беда пришла неожиданно. Ночью Александра Ивановна Рубцова вдруг почувствовала гнетущую боль в сердце, онемела правая половина тела. Что же делать? Олег, единственный сын Александры Ивановны,— геолог. Мать сама благословила его на отъезд в далекие края. И вот теперь она совсем одна в Москве: близких у нее нет.

Александра Ивановна еле дождалась утра. В поликлинику пойти не смогла. Попросила соседа вызвать врача. Терапевт и невропатолог констатировали инфаркт. Необходим полный покой, госпитализация исключается.

— Не волнуйтесь, Александра Ивановна,— сказал невропатолог,— одну мы вас не оставим, вызовем медицинскую сестру из бюро Красного Креста по уходу за одинокими больными.

Скоро пришла к Александре Ивановне славная, приветливая девушка — медсестра Татьяна Дорохина. Таня ходила за лекарствами, выполняла все назначенные врачами процедуры, готовила обед, разгоняла тревоги пожилой женщины ласковым словом. В общем, ухаживала за ней как нельзя лучше. Здесь же, у постели Александры Ивановны, Татьяна читала учебники: она готовится в медицинский институт. Так продолжалось до тех пор, пока больная не оправилась от инфаркта.

Бюро медицинских сестер по уходу за больными на дому созданы совсем недавно, но уже успели хорошо зарекомендовать себя в 147 городах Советского Союза. Сестры Красного Креста, прошедшие специальную подготовку в поликлиниках, к которым они прикреплены, бесплатно обслуживают одиноких больных, всех тех, которые нуждаются в постельном режиме, но не могут быть госпитализированы, как это и было с Рубцовой. Каждая сестра ухаживает за несколькими больными, поэтому на помощь обычно приходят и общественники.

...Когда Александра Ивановна стала поправляться, она сообщила обо всем сыну. И вскоре в общество Красного Креста пришло такое письмо:

«Здравствуйте, многоуважаемая Таня, прочитав письмо матери Олега о Вашей большой работе, мы не могли оставить без внимания этот благородный труд... Вот уж поистине воплощение в жизнь девиза: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». От всей души желаем успехов в Вашей работе!

Геологи - разведчики». И дальше шли подписи.

Недавно встретили Александру Ивановну соседки и не узнали ее: идет такая бодрая, радостная, в обеих руках покупки и букет цветов.

— Получила телеграмму: Олег сегодня в отпуск приезжает. Позвонила Танюше, попросила ее зайти вечером: привязалась я к ней, как к родной.

М. ТОВВИН

Домик Лермонтова

В июле нынешнего года исполняется пятьдесят лет с того дня, как в Пятигорске открылся музей «Домик Лермонтова». В этом доме у подножия Машука, где великий русский поэт провел свои последние дни, только за один прошлый год побывали 170 тысяч человек.

Сейчас сотрудники музея готовятся к предстоящему юбилею. Обновляется экспозиция, подбираются материалы для большой выставки.

Недавно в одном из залов музея установлен макет дома, каким он был в 30-е годы прошлого века. Свыше ста предметов размещено в этом миниатюрном домике — он выполнен в одну десятую натуральной величины. Художники декоративно-оформительской мастерской Мособлхудфонда Б. И. Романов и Н. Т. Мешков сделали макет по проекту пятигорских архитекторов В. И. Пикалова, Г. В. Асриян и В. Н. Безрунова.

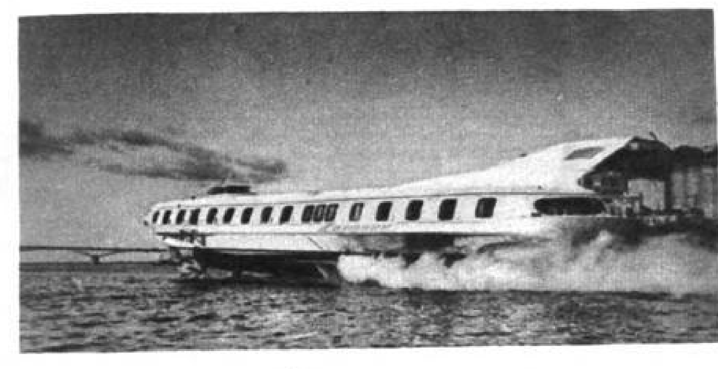
Вскоре в полном соответствии с макетом начнется реставрация домика, который за долгие годы претерпел всевозможные изменения. Полностью реставрация завершится к 1964 году, к 150-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

В. ИЛЬИН

На снимке: макет домика М. Ю. Лермонтова. Фото П. Шилова.

Диссертация лауреата

«Спутник».

В Горьковском институте инженеров водного транспорта идет защита диссертации. Выступают оппоненты, зачитываются отзывы. А сам диссертант? Он сидит за столом ученого совета и сегодня не промолвил ни слова. И стены не увешаны чертежами и схемами, и нет монографии. У Ростислава Евгеньевича Алексеева, главного конструктора завода «Красное Сормово» по судам на подводных крыльях, не хватило времени, чтобы написать ее. Но он создал живую книгу — конструкции великолепных крылатых кораблей, которые поистине совершили техническую революцию на водном транспорте, открыв эру высоких скоростей.

И если уж говорить о схемах и диаграммах, то не лучше ли всякого чертежа выглядит воплощенная диаграмма — рост крылатого флота, созданного по проектам Алексеева и его товарищей, которым ныне присуждена Ленинская премия. 1957 год — 66-местная «Ракета», 1959—1960 годы — 150-местный «Метеор», 1961 год — 300-местный «Спутник».

Ученый совет института единодушно решил присвоить инженеру Алексееву ученую степень доктора технических наук.

Вот уже более двадцати лет, со студенческой скамьи, Ростислав Алексеев трудится над проблемами высоких скоростей на водном транспорте.

Проблему увеличения скорости Алексеев решил, применив подводное крыло. Ростислав Евгеньевич вел свои исследования в области, находящейся на стыке двух наук: аэродинамики и гидродинамики, то есть в области, где было много белых пятен. Он сделал одно из наиболее значительных открытий в современном судостроении: разработал принцип движения и конструкции малопогруженных крыльев. Смысл этого открытия в том, что сами высокие скорости Алексеев использовал как средство автоматического регулирования подъемной силы крыльев.

Ростислав Алексеев воспитал славную плеяду конструкторов современных судов. Вместе с ним удостоены звания лауреатов Ленинской премии инженеры Николай Зайцев, Болеслав Зобнин, Александр Маскалик, Иван Шапкин, Григорий Сушин и капитан теплохода «Спутник» Виктор Полуэктов.

Сейчас на заводе достраивается новый крылатый морской теплоход «Вихрь» на 300 пассажиров. Заложен 30-местный теплоход, который со скоростью около 100 километров будет ходить по малым рекам. Успешно работают новаторы над созданием грузовых теплоходов на подводных крыльях, над применением газотурбинных установок в качестве главных двигателей.

Р. Е. Алексеев. Фото Н. Капелюша.

У создателей скоростного флота — большие планы, конструкторы берут новые барьеры скоростей.

М. УРЕС

Песни ашуга

Почти в каждом районе Азербайджана есть свои ашуги. На полевых станах хлопкоробов и чаеводов, в юртах животноводов и чайханах звучат песни о счастье и радости труда. В поэзии ашугов сверкает богатая житейская мудрость. Замечательные поэтические образы — отличительная особенность этих песен.

Вот настраивает свой перламутровый саз агсакал ашуг Ибрагим Гарачы оглы. Голос у него звонкий, сильный. И песня о народном счастье волнует и радует людей.

Ашуг Ибрагим взял в руки саз в 1882 году и с тех пор не расстается с ним. Раньше он пел о горькой доле азербайджанского народа, теперь поет о новой жизни людей, строящих светлое здание коммунизма.

Недавно общественность Кировабада отметила 100-летие со дня рождения Ибрагима Гарачы оглы.

К. ХРОМОВ

ТВОИ СТРОИТЕЛИ, КОММУНИЗМ

Григорий Степанович и Ульяна Васильевна решили покатать внучат. Машина большая, но ведь внуков и внучек — девять человек. Конфликты неизбежны...

Фото И. Нарышкова.

Семья

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Зовут меня Григорий Степанович, а мамку нашу — Ульяна Васильевна. Падалка — наша фамилия. Из одного мы с мамкой села и одного происхождения. Оба сиротами росли — я без матери остался трех лет, она чуть побольше. Мы из Атбасарского района, из села Спасского, километров двести отсюда будет.

Отец мой в это село с Полтавщины переселился. Я уж тут родился, так что вроде бы и с Украины и местный я.

Учился мало. Только в школу пошел, немного проучился — случилась незадача одна. Играли с ребятишками, они на меня навалились, вроде бы «мала куча»,— я и закричал. Прибежала учительница — поповна учительницей была,— шумит: я своим криком ее ребятенка взбудил,— и выгнали меня из школы. В ту пору германская война была. Отец на войне, а мачехе лучше, чтоб я с ее малыми ребятами дома возился. Не пошла мачеха хлопотать за меня перед поповной. Так и кончилась тогда моя учеба. Отец с войны вернулся, сапожничал. Бедно жили. Ох, и бедовали! Лютый человек отец-то был, бил нас, детей. Сильно бил. От нужды да горя совсем тяжелый человек стал.

Ну, я работал сызмальства. Батрачил больше: куда человеку в те времена было податься бедному, неграмотному, без профессии? Не хотели за меня родные Ульяну отдавать: батрак да босяк, какая в нем корысть? Без корысти, по любви поженились мы, бедовать, так вместе, раз уж любовь у нас добрая получилась.

А тут революция, свобода людям вышла, землю батракам назначили. Стали мы жизнь свою выправлять. Да, по правде сказать, не много понимал я, пока в армию не пошел.

Случилось это в двадцать девятом году — призвали меня в Красную Армию служить. В кавалерии служить довелось. Смотрите, вот на фотографии — кавалерист в буденовке, при шашке, все как полагается.

Я был не фигуристый, да пружинистый и бодрый очень. Хорошо служил, достойно. На соревнованиях призы всякие брал. Шефы подарки дарили, отрезы хорошие. Только я те подарки да отрезы домой Ульяне Васильевне отсылал,— не просто женой она была, матерью стала: дочке Екатерине два года было, да сын первый, Петр, народился.

Достойно, говорю, служил. Хотели меня в сержантскую школу послать, а я цифров не знаю. Удивились начальники. «Ты,— говорят,— такой солдат хороший, ни в жисть не думали, что неграмотный. Иди, брат, в ликбез».

Стал в ликбез ходить. В Ленинскую комнату зачастил, хоть по складам, а все что-нибудь почитать.

Не понравились мне закрытые двери. Пойдешь другой раз в Ленкомнату, в одну дверь: «Закрытое комсомольское собрание», в другую: партийное, тоже закрытое.

Как так, думаю, почему от меня двери закрытые? Власть наша, народная, рабоче-крестьянская. Сам я самый что ни на есть бедный батрак был, для меня власть Советская жизнь человеческую принесла.

Почему я в самом главном ей не помогаю, почему не состою в передовом ее отряде — в партии?

Подал заявление. Спрашивают меня: «Как ты понимаешь себя коммунистом?» Я, говорю, книгу такую читал: коммунист-пулеметчик один стоял на боевом посту и задержал врага. Я тоже хочу таким быть, чтоб первым всегда и никаких трудностей не бояться. И хочу все знать, и в понятии правильном жить, и чтоб двери все передо мной были открыты. Самые важные и главные.

Приняли меня кандидатом. Два года состоял. Членом партии стал, как из армии вернулся, на Балхаше работал, на рудниках.

Работа у меня хорошая была. Шофером стал — в те времена редкая профессия. Жизнь стала налаживаться, хорошая жизнь. Дети пошли. В тридцать втором году сын родился — Александр, в тридцать пятом — Юрий, в тридцать седьмом — Владимир, в тридцать девятом — Анатолий. Совсем перед войной — младший, шестой сын, Борис.

Война, конечно, сломала жизнь семьи нашей. Не то чтоб совсем, но надломила, трудности большие пришлось перенесть.

Служил я шофером второй роты 819-го отдельного автотранспортного батальона. Проверьте: вот красноармейская книжка сохранилась.

Что о войне рассказывать? Война — война и есть. Приходилось и не спать, и не есть, и за баранкой работать, что называется, круглыми сутками. Только помнил я свой ответ, когда меня кандидатом в партию принимали: «Хочу быть таким, чтоб первым всегда и никаких трудностей не бояться». А когда очень трудно приходилось, вспоминал книгу ту о гражданской войне, что первую в жизни прочитал, и в память глубоко она врезалась, и то, как остался один коммунист-пулеметчик, а не сошел с поста боевого, задержал врага.

Ездил я на полуторке, потом на «студебеккер» перешел, всякие марки машин освоил. Возили мы на передовую боеприпасы, а оттуда — раненых. Самое трудное — раненых возить. Очень печальная вещь. Помню, возили с Дона до Котлубани. Едешь, а людей полон кузов. Какие стонут, какие терпят — молчат, так за них самому кричать хочется. Остановишься, воды попить дашь: пересохло в горле от боли да страдания. А «мессера» тут как тут и чешут из пулеметов. Скорее за руль да петляешь по полю, что твой заяц. У меня все как-то удачно получалось: ни одной машины не потерял. Людей не всегда довозить приходилось. Бывало, умирали в дороге которые...

Получил и я рану, в самое сердце, не от немца — от людей бездушных. Пишет мне в письме Ульяна Васильевна: так, мол, и так, совсем пропадаю. Не знаю, чем ребятишек накормить, во что одеть. Осталась-то мамка самавосьмая, семеро ребятишек, старшей, Кате, едва тринадцать лет.

На какую работу пойдешь, на кого такую ораву оставишь? Сама ни к кому не пошла помощи просить, а люди не подумали. Невдомек им было, что мать с семерыми малыми детьми одна мается. И стирать брала мать в доме отдыха, ночами стирала. Пекарем она в том доме отдыха на Балхаше работала, да не всяк день на работу выйти могла: то один заболел, то другой... Дети.

Пошел я с мамкиным письмом к командиру батальона. А он и говорит мне: «Напиши письмо в партийную свою организацию да в райком. Я,— говорит,— тоже от себя напишу. Бездушных людей да бюрократов надо строго наказывать».

Что вы думаете? Помогло солдатское письмо с фронта. Опомнились люди. Может, и вправду не знали, что трудно мамке. Она молчала, гордая. Только мне и написала в какую-то минуту, особо горькую.

Помогли моей семье. И пособие дали. И с квартирой получше устроили. И в пекарне у мамки работа наладилась. Катюша на молочную ферму учетчицей устроилась. Сыновья старшие тоже захотели матери помогать. Один в доме отдыха молоко на лошадях возил. А Сашка на верблюде — кумыс. От туберкулеза в доме отдыха люди лечились. Кумыс — первое лекарство.

В общем, если б у всех людей такая жена да такие сыны, как у

меня были, радостно жили б люди.

Пришел я с войны. В семье уже трое тружеников было, кроме матери: Екатерина, Петр да Сашка. Стал я детей своей квалификации учить. Хорошая профессия — шофер: полезная и всегда, везде, куда бы жизнь ни забросила, нужная очень. Катя вскорости права получила, самостоятельно стала работать. Петро мал еще был, прав водительских ему не давали, так он около Кати вроде бы стажировался.

Выросли сыны. Взяли в армию Александра да Петра. Мог я их от армии освободить, потому к тому времени инвалидом был: язва у меня открылась, операцию делали. Да не стал ходатайствовать, сам хотел, чтобы они в армии послужили. Очень полезно для молодого парня, хорошая школа. И дисциплину научится понимать как надо, и вообще я сам

Две Антонины — Гришина и Падалка. На их попечении крикливое хозяйство — совхозный инкубатор.

Советской Армии обязан: жизни там меня научили, как говорится, человеком стал.

Не сказал я никому про свою инвалидность, не пошел ни на какую комиссию. Вернее, комиссию я давно прошел, и группу мне вторую определили, да за пенсией не пошел. Пусть, думаю, ребята в армии послужат, а я еще поработаю, пока старшие вернутся домой да младшие подрастут. Валентина, дочка младшая, совсем маленькая была, сорок восьмого года рождения.

Работал по своей специальности, шофером, на руднике Анжал при Балхаше. Никто не знал, как мне другой раз трудно было, даже мамка не знала. Один я знал, как машину приходилось останавливать в степи да на землю ложиться: боли мучили.

Не думайте, я рассказываю это не для того, чтоб жалели: вроде бы бедный я человек, сколько в жизни натерпелся! Неправильно, если так обо мне кто подумает. Богатый я был и есть. Семья у меня хорошая, дружная, хотелось мне детей достойными вырастить. Достойный, по-моему, тот человек, кто труд любит и не за заработок работает — за совесть свою перед народом. Воспитывать — пример отец должен показывать. Я и показывал.

Вернулись из армии сыновья. Передал я Александру свою машину и ушел по болезни на пенсию. Так в пятьдесят три года закончил я свою официальную трудовую деятельность. Ну, а вообще-то, закончил или нет, судите сами.

Хорошо мы стали жить. Петр работал на «ЯАЗе», Александр — на «МАЗе», Владимир подрос — токарем стал и шофером тоже. Такая у нас главная семейная профессия — шоферы.

Купили мы себе «Москвича». Только одно горе с тем «Москвичом» было. Мать сердилась: «Зачем такую машину купили? Разве эта клетушка на колесах для нашей семьи? Старшие сядут — малые плачут. Малых посадишь — старшие дуются. Покупать надо машину так, чтоб на всю семью». Сыны смеялись: «На нашу семью, мать, не одна машина — автоколонна нужна».

А все ж таки купили мы новую машину, большую, семиместную, министерскую, за сорок тысяч. Не хватило денег немного, так брат помог — дал семь тысяч, мастером на буровых работает брат. И директор наш из своего фонда выписал ссуду — две тысячи.

Написали мы письмо в Алма-Ату от имени нашей матери. Так, мол, и так, многодетная мать, медалью материнства второй и третьей степени награжденная, очень нужна для семьи большая автомашина. Пришел нам ответ, скоро пришел, и поехали мы за своей новой машиной. В пятьдесят четвертом году это было. А в пятьдесят пятом приехали мы на той машине на целину.

Сначала в отпуск поехали. Сыны той целиной загорелись, ни жить, ни есть, ни спать не могут. Поедем — и все тут. Мы с матерью посоветовались, решили для себя: наши дети, целая комсомольская организация в семье. Раз тянутся — значит, долг их такой, пусть едут. А мы, старики, за ними. Что нам семью рушить? Только надо сначала посмотреть, что она за целина такая.

И предложил я сынам съездить в отпуск в Армавирский совхоз, Кургальджинского района. Знакомые там у нас были, наши рудничные. Приехал с двумя сынами, Петром да Юрием.

Дома в совхозе уже кой-какие были построены, но больше в землянках люди жили. И директор совхоза тоже в землянке. Приехали, директор спрашивает: «Кто такие?» Рассказали. «Что ж,— говорит,— отдыхайте. У нас воздух степью да пшеницей напоен — пить такой воздух можно, как кумыс, и охота хорошая».

Приятель мой, с рудника, увидел наш автомобиль, зашелся весь. «Дай,— говорит,— за рулем посидеть. Никогда в жизни такой машины не водил. И тебя повожу по нашим местам».

Как повез он меня по ярусам пшеницы, аж сердце захолонуло: красота-то какая! Такие поля! Ширь какая! «Приеду,— думаю сам про себя,— обязательно приеду». А сам молчу. Жду, что сыны скажут.

Сыны молчат. Поехали мы на озеро. Рыбы наловили. Уху варим.

— Что ж,—говорю,— теперь на охоту?

А Юрий отвечает:

— Ты прости нас, батя, испортили мы тебе отдых, да не сердись. Успеем мы поохотиться, работать хотим здесь. Вон сколько ее, работы, непочатый край! Поедем, батя, домой за документами.

Ну, и поехали. Запаслись от директора совхоза бумагой: берет он нас всех в совхоз шоферами. Не хотели сынов отпускать, да и то: кому охота таких работников отдавать? Приехали в совхоз. Дали нам для семьи помещение старой школы: дети в новую пошли учиться. Ну, а потом — целый финский домик. Ребята мои работать умеют, сразу себя показали. На учебу жадные. На всякие курсы ходили, учились.

Теперь у нас в семье специальностей не перечтешь: шофер — раз, комбайнер — два, тракторист — три, слесарь капитальных работ — четыре, токарь — пять, регулировщик топливных насосов — шесть, аккумуляторщик — семь, вулканизаторщик — восемь, еще, если вспомнить, с пяток наберется, а сыновей всего шестеро.

Все очень довольны. Чего им быть недовольными? Они живут если не лучше всех, то уж очень хорошо.

Вот, я слышал, находятся недобрые люди за границей, говорят, что на целину люди от худой жизни поехали. Пусть бы они на нашу семью поглядели! Из хорошей квартиры да от большого достатка мы сюда приехали на собственном автомобиле. Потому что не хотим мы, чтоб кто-то за нас нам двери в коммунизм открывал да дорожки протаптывал. Сами хотим те двери открыть и войти в те двери с гордостью. Двадцать три человека семья наша. Не все, правда, сейчас с нами. Катя замуж вышла, в Павлограде живет. Борис, младший, в армии служит, в ракетных войсках. Остальные здесь — сыны, невестки, внуки. Всем вольготно и покойно. Матери одной покоя нет. Особенно как поженились сыны. Невесток надо воспитывать: девчонки молодые. Прямо вам скажу: повезло нам с невестками. Знаете, попалась бы одна такая, ну, плохая, что ли, могла б всю семью попортить. Нет, все в семье пришлись. Двух с рудника привезли, две местные, одна добровольцем из Вязьмы приехала, так мы того добровольца да в нашу семью.

Мать очень умеет со всеми ладить. Бывает, которая и надерзит. А мать умная у нас, смолчит поначалу, потом аккуратненько так сделает, что девчонка сама поймет: негоже старшим грубить.

Теперь вроде бы отделились, и всяк своей молодой семьей, самостоятельно. А то вместе жили, одним хозяйством. Прибегут ребята с работы, садятся за стол. «Кто,— спрашивают,— сегодня готовил?» Мать никогда не скажет, которая из девчонок обед стряпала. «Ешь,— скажет,— кто бы ни готовил, все свои руки, родные».

Был такой у нас случай: ударила одна невестка ребенка. Мать кинулась к ней, отобрала паренька, тот орет, а мать чуть не кричит: «Не смей ребенка бить! Мы своих, ни отец, ни я, ни разу не ударили. И дети нас всегда слушались». Только вот и было, что один раз вспылила Ульяна Васильевна, а то все добром, да лаской, да уговором.

Мы и вправду никогда детей пальцем не тронули. Я ж рассказывал, бил меня в детстве отец. Очень сильно бил. Я, как вырос, простил ему: от тяжелой жизни, от нищеты постоянной ожесточился человек. Я решил для себя: будут у меня дети — никогда руки не подниму. Не пойду я этим путем. К сердцу детскому да к разуму должны родители дорогу искать. Главное в семье — как отец и мать живут. Если у них порядок в отношениях, тогда и дети хорошо растут.

Что еще рассказывать? Хорошо живем. Все своим трудом достигли. Все у нас есть. Если что крупное купить — радиоприемник дорогой или мотоцикл,— всей семьей совещаемся, всей семьей и покупаем. Бильярд вот недавно приобрели.

Хозяйство свое хорошее, и корова у всех, и по свинье. Кур и уток не делили. Общие по подворью ходят. Сколько? Не знаю. Мать, наверное, знает. Может, и ей тоже доподлинно неизвестно. Потому что птица у нас, в совхозе, как-то не в счет. Кто из соседей сколько загонит в сарай на ночь, столько у него и ночует. Я, конечно, о собственных курах да утках говорю. Совхозные, те в птичниках живут, на специальном режиме.

Этот вот дом, где мы сейчас с вами разговариваем, строили всей семьей два года. Сорок тысяч рублей совхоз ссуду дал. Правда, не уложились мы в эту ссуду, дороже дом обошелся. Зато просторен он так, как хотелось всем нам, удобный дом.

* * *

Стоит на окраине поселка Армавирского совхоза дом. Среди беленьких, почти одинаковых домиков поселка, выстроившихся ровненько по улицам, он выделяется и своими размерами — очень большой, и по конфигурации — вроде бы шестигранник. Я подумала, что это школа. Спросила шофера. Тот усмехнулся.

— В общем-то, конечно, школа. Не обыкновенная, конечно. Можно школой назвать — коммунистического воспитания. Вам в эту школу обязательно надо зайти. Семья Падалка в этом доме...

О том, как живет эта семья, я уже рассказала. Собственно говоря, не я, а Григорий Степанович Падалка при полном одобрении Ульяны Васильевны. Я только записала его рассказ как могла точнее.

ПРЕДВЕСЕННЯЯ РАНЬ

Дмитрий КОВАЛЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

СНЕЖНАЯ ПЕСНЯ

Из севера вся,
Из сиянья и синьки,
Из чистоты снеговейных расселин...
Какие стоят молодые осинки!
Цвет кожицы их
Вызывающе зелен.
Их голая стройность подчеркнута, выпукла.
Березы нагие, телами сплетенные...
Там розовость рощиц морозом не выпекло.
Как клювики,
Блещут там клюквины темные.
Дубы там рябин обнимают до хруста.
Травинки идут там сквозь камень
На льдину...
Уносит вода быстряком холодину —
Какой подымает на стремени груз-то!
Когда по минутам она прибывает,
То гору с пути своротить ей охота.
Неужто напрасна такая работа
И даром травинка скалу пробивает?
Зачем же тогда, если даром,
Так остро
Мне кровь будоражит
Разлива начало?
И лед этот синий,
И солнечный остров,
И море,
И море,
Что снится ночами?..
Зачем же дышать этим всем,
Как любовью,
И жить,
Только жить бы
Такими вот
Ими?
Зачем же так хочется быть мне собою
И видеть все это глазами своими?..

ЗЕЛЕНЫЙ ДЫМ

Весной глаза у всех зеленоваты.
И на запах
грозы
Распахнуты все окна.
И внезапно
Зеленым дымом всходит утро.
И чуть слышно каблуками
Потопывает гром за облаками.
И все пруды лягушечьих расцветок
В лесах оттаявших
Стоят глубоко.
Листва ракит еще не белобока.
И лютик вспыхивает, как кошачье око,
У зимней черноты еловых веток...
Весной, одеться не успев,
Лесные груши стали
Воздушней облаков —
И вот
Не птиц ли величавых стая
В страну любвей
Встревоженно плывет?
И все растерянное.
Все немеет
От удивления.
И холодеют
От счастья солнца родники.
И не владеют
Сердца собой,
Как птицы те, легки.
И не завидую тому,
Кто жить умеет,
Кто все, что ни захочется,
Имеет.
И хорошо.
И лучше не умеючи.
И хоть какой,
А весь истает лед...
Весной опасно тратиться на мелочи,
А то и не заметишь, как пройдет.

ЗОВ

Какою веет новизною трезвой
От мартовской земли навеселе!
Как молодость нужна ей до зарезу,
А молодых не густо на селе.
Не густо их таких,
Чтобы гордились
Поотнятой у бар землей своей.
Не там, где кровь твоя,
А где сгодились.
Конечно же,
И там нужны вы ей.
Но как же это —
Что уже в привычке:
Не свой колхоз — начало всех начал?
Пообживали чертовы кулички,
А чернозем под боком одичал!
И почему протаявшее поле
Заранее давно уж не зовет,
Как стаи кранов за водою полой,
Как корабли вселенной,
Как завод?..
Потеря чувства этого чревата,
Когда не кличет степь еще с зимы...
Быть может, здесь
И время виновато,
Но все же больше
Виноваты мы.
Мы столько лет подряд
Внушали детям
Стремление не к ней, а от нее.
И все никак не примирится с этим
Ни сердце,
Ни сознание мое.

ЧТОБ НАДЕЯТЬСЯ

Глазищи детские
Из окон садика.
А на зиме —
Проталинка,
Как ссадинка.
А в той проталинке,
Видать, тропинка.
А на тропинке —
Первая травинка.
А больше близко
Вроде б и не деется.
А больше и не надо,
Чтоб надеяться.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

И ни критических каленых розог.
Ни ртов скоромных.
И ни постных лбов...
Предутренняя розовость березок,
Где в каждой клеточке дрожит любовь,
Вся против безразличья протестуя,
Все наготой смущенной озарив.
Вот так и ты...
Люблю тебя простую,
Твой скрытый даже в близости порыв:
Люблю тебя совсем я не такую,
Какою критики любить велят.
Не в меру я тоскую
И ликую.
Мне надо больше,
Чем влюбленный взгляд.
Плечо твое,
Что месяца моложе.
Дыханья затаенного испуг.
Слепыми пальцами касаться кожи —
И прозревать
И покоряться вдруг.
Губ мятный холодок!
Глаз солнечную полночь!
Тот хмель,
Что спрятан не в густом вине!
Стон задохнувшийся,
От счастья полный,—
Песнь песней
И весна весны
Во мне.

ДВА СОЛНЦА

Два солнца —
В воздухе и в воде —
И два челна.
От перевоза
Сплошь, везде
Земля черным-черна.
Парная вся,
Как на опаре.
А берегом — пара...
Но не о паре —
О том, как первенца
Парень несет:
Ну, как пушинку
Теченье вод.
Девушка — рядом,
Не сводит ока:
Боится,
Что несет неловко,
Что грубы
Для этой-то ноши руки.
А пушинка спит себе,
Как в люльке.
Уже спокойная
По той причине,
Что отца нельзя
Понизить в чине.
И его рукам
Как раз, без спору,
Что пахать,
Что сеять —
Само в пору...
Неспроста ж
Два солнца,
Два челна,
Мать с отцом молоденькие,
И земля черна...
И лесной ли мрак,
Сквозная щелка ли —
С выдержками
Соловьи защелкали...

Дважды рожденный

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

К 100-летию со дня рождения М. В. Нестерова

Михаил Васильевич Нестеров. Его человеческий век вобрал в себя творческую жизнь как бы двух разных художников. Нестеров... И встают в памяти знакомые по Третьяковской галерее его отцы-пустынники, отроки, умиленные видением бога, Русь, стынущая в молитвенной тишине. Но Нестеров — это и неукротимые, творчески окрыленные характеры советского времени: мыслители и гуманисты,— в них воплотилась эпоха созидателей, борцов.

В ту пору, когда начинался художнический путь Нестерова, еще не всем дано было видеть, что правда века поднимется с баррикадами Пресни, с прибоем революции, что истинная сила тревожной, ждущей перемен России — народ, познающий в себе творца истории. Нестеров заявил о себе на рубеже 80—90-х годов прошлого столетия. Его «Пустынник» и «Видение отроку Варфоломею» создавались одновременно с репинскими «Запорожцами» и суриковским «Ермаком»... Сопоставления в искусстве всегда относительны: трудно одного художника мерять другими. Но в этом сопоставлении с глубоко народными, богатырскими творениями Репина и Сурикова всего нагляднее видно, какой сторонней и неверной тропкой шел в искусстве ранний Нестеров. В полотнах Репина и Сурикова расходилась, разгулялась сила молодецкая; провидящее слово сказано о родной России; а у Нестерова — молитвенное смирение, утешительство во Христе, и в христианском смирении этом видится ему душа народа, судьба России. Глубоко ошибочная идея, проповедь духовного рабства — «худшего, безысходного рабства», как назвал «идею бога» В. И. Ленин,— поглощала вдохновение честного художника, видевшего в искусстве высокую общественную трибуну, мечтавшего о возрождении на русской почве.

И вместе с тем в своих картинах какой же Нестеров большой мастер! Русский пейзаж, природа подмосковья, увиденные словно бы в глубине времен, остро дают почувствовать течение веков над русской землей. Веришь — этими долинами, этими перелесками шли воины Дмитрия Донского оборонять Русь; эта неяркая русская красота ласкала взор Андрея Рублева. Или его этюды к картине «Святая Русь» и к позднейшей, законченной уже накануне семнадцатого года картине «На Руси»: суровые, трудной судьбы русские мужики, красивые женские лица, склоненные в печали и смирении,— они созданы многовидящей прозорливостью мастера-психолога и вылеплены с великолепной реалистической живостью. Видишь, какая сила художника-реалиста наполняла Нестерова, если он мог создать такие поэтичные вещи, как портрет дочери Ольги. Написанный в 1906 году, он находится в Русском музее в Ленинграде. Стройная девушка в длинном черном платье и красной шапочке стоит на речном берегу на фоне предвечерних летних, теплых далей; и все в этой картине красиво той благородной, живой красотой, какую может дать только искусство большого художника. Или другая его лиричная и душевная вещь, «Девушка у пруда», написанная уже в первые советские годы. Впоследствии, на выставке Нестерова, ею любовался Горький: «О каждой нестеровской девушке думалось: она в конце концов уйдет в монастырь. А вот эта девушка — не уйдет. Ей дорога в жизнь, только в жизнь!»

Нестеров шел в жизнь, сам рождаясь заново. Конечно, этому новому рождению Нестерова нет точной даты. И даже будучи уже автором прославивших его портретов, он не раз возвращается к старым мотивам. Советская жизнь властно на новый лад формировала этот могучий и трудный талант. Сама логика реальных жизненных сил покоряла Нестерова-художника. В том и сила идей социалистической эпохи, самого духа советской жизни, что истинный талант в соприкосновении с ними заряжается той же высокой энергией, тем же общественным потенциалом. Творческая судьба Нестерова — этому подтверждение.

Галерея нестеровских портретов... Мы говорим: классика советской живописи. Это привычные слова. Но это значит — время отобрало эти творения в числе лучшего, потому что в них запечатлела себя советская эпоха.

Утверждение духовного бытия человека в советском обществе — как дерзания, как творчества — стало сутью нового Нестерова. Наряду с другими большими художниками 30-х годов, того же масштаба мастерами — Мухиной и Шадром — он донес до советского времени большие традиции русского реализма.

Реалистический опыт прошлого органично слился в творчестве Нестерова с новым зовом времени, переплавился в новое качество, помножился на новое содержание, и потому не музейным хранителем традиций, а современником пришел Нестеров в советское искусство.

Он любил людей внутренне красивых. Они-то и запечатлены в его портретах — волевые, смелой и ясной души люди. Портрет братьев Кориных. Нестеров говорил о художниках-братьях: «...не устану ими любоваться. Любоваться моральными, душевными их свойствами...». Молодые художники изображены у себя в мастерской, где все будто дышит простой и ясной атмосферой искусства. Старший, Павел, любуясь, поднял аттическую вазочку, и благоговейное внимание в его внутренней сосредоточенности, в том, как он словно вбирает в себя ее художественное совершенство. Строгая чистота этого образа напоминает юношей Возрождения, об этом и сам Нестеров говорил. Павел Корин своим обликом вызывал в его памяти образы фресок Гирландайо во Флоренции... Младший, Александр,— русская широкая душа. И в обоих увлеченность искусством, радость перед извечным обаянием человеческого художественного творения. Сдержанная и благородная живопись — удивительно красивая в стройном и немногословном созвучии тонов — отвечает высокому строю чувств. Все в этом портрете празднично и скромно, просто и возвышенно.

Портрет академика Павлова. Многолетняя дружба связывала художника с великим ученым, дважды писал он его портреты. «Я был сразу им покорен, покорен навсегда... Во мне исчез страх перед неудачей, проснулся художник, заглушивший все, осталась лишь неутолимая жажда написать этого дивного старика...» Ивану Петровичу Павлову, когда вторично писал его Нестеров, было 85 лет. Но какая в портрете молодость духа, не знающего покоя, духа творческого, жизнедеятельного! Эти великолепные, энергичные павловские сжатые кулаки, ударившие по столу,— жест непреклонной, задиристой убежденности,— они уже сами по себе «портрет» характера. И все в картине — и сам красивый, живой, «колючий», неугомонный старик-ученый, и бодрящий холодок дня ранней осени, разлитый в живописи вместе со всей светлой гаммой тонов, и цветок на столе, и аккуратные домики «павловского» академического городка за стеклом террасы — во всем такая молодость, такая радостная новизна мира, что за этой молодостью, за этой новизной невольно встает видение всей большой советской жизни, идущей путями молодыми и новыми.

Потому-то мы и любуемся духовной красотой героев нестеровских полотен, что видим в них жизнеутверждающую волю современника, силу творческой мысли, соединенную с упорством натуры, с широтой души.

Скульптор Иван Шадр — талантливейший русский человек, художник революционного романтического подъема. Мы и видим его таким у Нестерова; образ, живущий в портрете, удивительно слит со всем нашим восприятием мужественного и смелого искусства Шадра... Хирург С. С. Юдин — какая отчеканенная собранность мысли в этом человеке. И как удивительно точно запечатлел его Нестеров, какие здесь нервные, сильные, умные руки труженика, ученого!..

Искусство портрета может быть простым, никчемно простым, если художник ищет одно лишь внешнее сходство. Но искусство портрета становится идейно богатым, вдохновенным, искусством по-настоящему народным, если художник выявит в человеке те черты его характера, которые выступают как черты общественные, сформированные в нем жизнью, временем, социальной средой.

В полотнах Нестерова прозорливость, умение понять общественное назначение человека, главное, что делает его нашим современником.

Вот рассказ Нестерова, как писал он портрет Мухиной:

«...Я ее помучил: так повернул, этак: а ну, поработайте-ка!.. Как принялась над глиной орудовать — вся переменилась. Э! — думаю.— Так вот ты какая! Так и нападает на глину: там ударит, здесь ущипнет, тут поколотит. Лицо горит. Не попадайся под руку: зашибет! Такой-то ты мне и нужна. Вот так и буду писать...»

Так творческая натура человека, одухотворенность чувств и помыслов, красота труда в советской жизни раскрывались для Нестерова пафосом своей возвышенной красоты.

В советское время Нестеров обрел свою вторую, счастливую жизнь художника. И эта яркая творческая жизнь запечатлелась в нашем искусстве великолепнейшими творениями. В них строгие заветы русской классики помножились на энтузиазм новой эпохи... Он умер в суровом сорок втором году — восьмидесяти с лишним лет, оставаясь тружеником буквально до последних своих дней. Этому удивительному человеку не дано было изведать творческой немощи, похоже, он нарушил все законы жизни, и в преклонные уже годы к нему пришла настоящая молодость. Он прожил ее светозарно — он любил это слово, говоря: «Впереди я вижу события не только грозные, но и светозарные, победные».

М. Нестеров. ДВА ЛАДА. 1905.
(Частное собрание)

ДЕВУШКА У ПРУДА. 1923.
(Частное собрание)

«Огонек».

М. Нестеров. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКОВ П. Д. и А. Д. КОРИНЫХ. 1930.

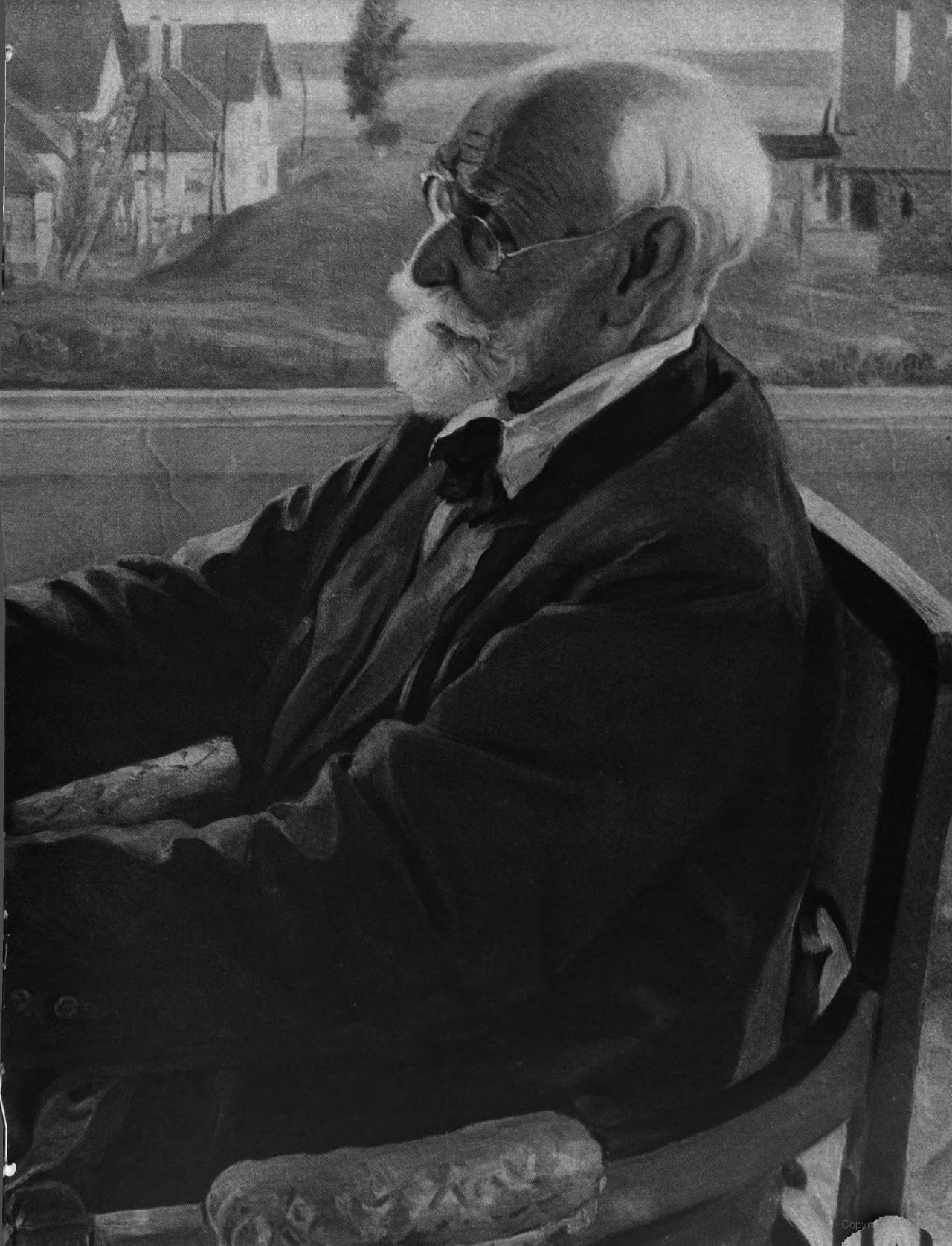
Государственная Третьяковская галерея.

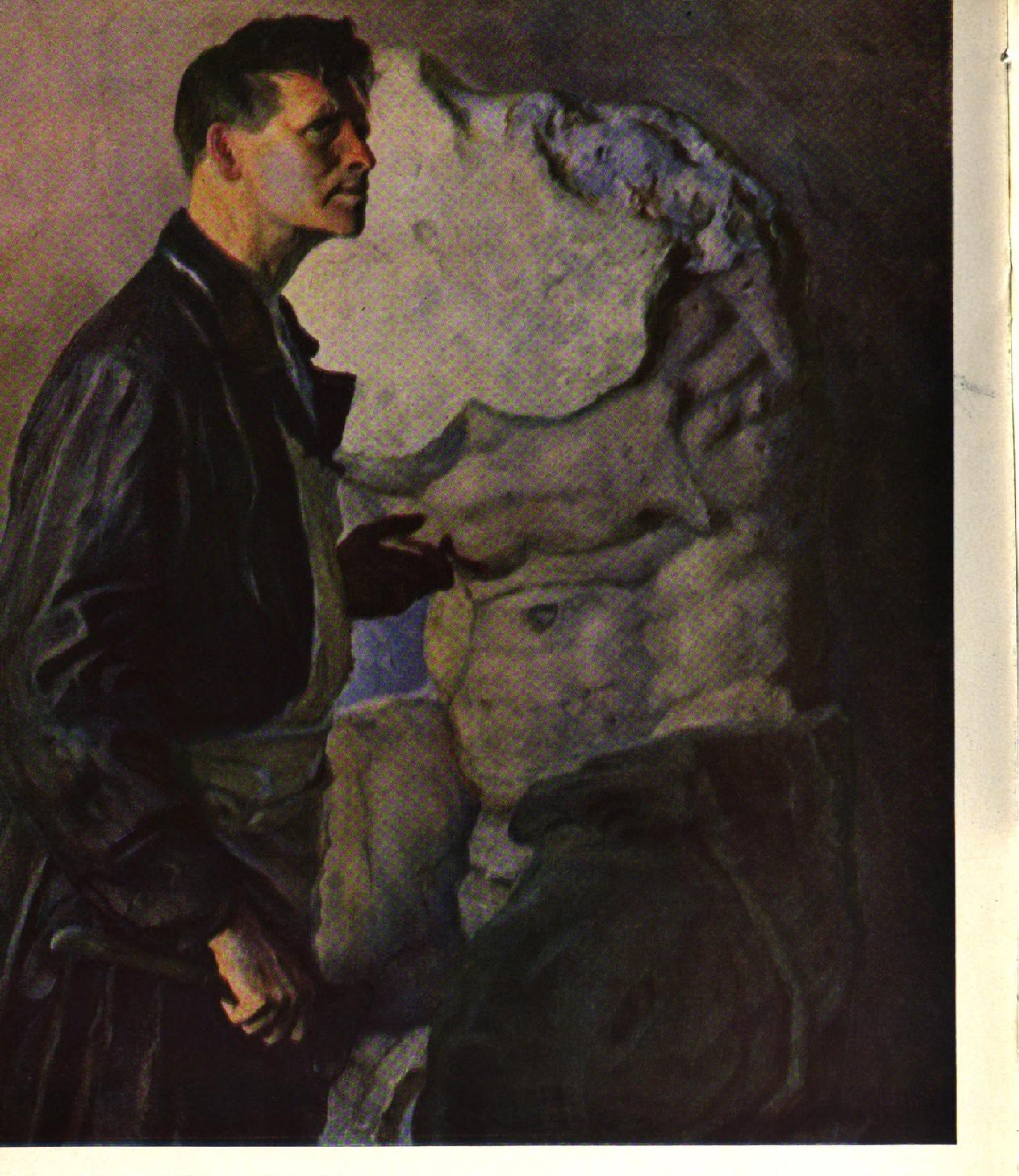
←

М. Нестеров. ПОРТРЕТ Е. П НЕСТЕРОВОЙ. 1905.
Государственная Третьяковская галерея.

На обороте: ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА. 1935.
Государственная Третьяковская галерея.

Нестеров. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА И. Д. ШАДРА. 1934.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА А. Н. СЕВЕРЦОВА. 1934.

Государственная Третьяковская галерея.

На обороте: М. Нестеров. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР К. Г. ДЕРЖИНСКОЙ. 1937.

Государственная Третьяковская галерея.

ПОЛЮС ПРАЗДНУЕТ ЮБИЛЕЙ

1937 год. Отважные пионеры Арктики (слева направо): Э. Т. Кренкель, И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов.

Фото В. Гребнева.

Северный полюс... Маленькая, затерянная во льдах Арктики точка, там, где встречаются все земные меридианы. В течение многих лет манила она сердца отважных полярных исследователей. Сколько их, смелых людей, не сумело осилить трудную дорогу в глубины Белого Безмолвия!

21 мая 1937 года на Северном полюсе поднялся алый флаг нашей Родины. Фотография людей, стоящих у этого флага и машущих шапками, облетела в те дни все страны мира. Их было четверо: Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров.

...С тех пор прошло двадцать пять лет. Дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук, контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин теперь заведует морскими экспедициями Академии наук СССР. До самых последних дней своей жизни был связан с морем Герой Советского Союза академик Петр Петрович Ширшов. Крупными исследованиями ныне руководит академик, главный ученый секретарь АН СССР, Герой Советского Союза Евгений Константинович Федоров. Неотрывно работает над совершенствованием гидрометеорологических приборов начальник лаборатории Научно-исследовательского института гидрометеорологического приборостроения Герой Советского Союза Эрнест Теодорович Кренкель. И все, что связано с первой полярной станцией, кажется сейчас далеким эпизодом истории.

— Почему далеким? — удивляется Иван Дмитриевич Папанин.

Та же знакомая щеточка усов, только посеребрили ее годы, тот же лукавый папанинский прищур глаз, та же теплая улыбка.

— Многое время уносит,— вспоминает Иван Дмитриевич.— Но самое для тебя дорогое никогда не забудешь.

Вот только что скрылся самолет, доставивший нас на полюс. Мы остались вчетвером посреди Ледовитого океана. Еще не успели подумать о том, что оказались одни, как наш радист Эрнест Кренкель принял первую радиотелеграмму с Большой земли, поздравлявшую нас. А потом не проходило дня, чтобы мы не получали теплых, трогательных приветствий со всех концов нашей Родины и из многих стран.

Мы были первыми, кто жил и вел научные наблюдения на дрейфующих льдах в центре Арктики. День наш был заполнен работой до предела. Проводились исследования по метеорологии, гидрологии, гидрохимии. Изучались глубины океана и его грунт, атмосферное электричество. И надо сказать прямо: техника для наблюдений у нас тогда была самая примитивная.

Как же теперь, сегодня ведутся исследования на Северном полюсе?

Редакция «Огонька» связалась со станцией «СП-11», которая недавно начала свою работу. И вот перед нами радиограмма от начальника станции Николая Николаевича Брязгина:

«Сейчас дрейфующие станции — это целые поселки. Вместо палаток — удобные утепленные домики с электрическим освещением. Новейшие приборы и механизмы позволяют вести всесторонние исследования. Они же намного облегчили труд полярников.

Многочисленные научные павильоны придают нашему поселку вид обсерватории.

Жизнь на льдине входит в свою колею. Вечерами полярники собираются в кают-компании почитать свежие газеты, журналы, книги, посмотреть кино, поиграть в шахматы.

Исследования Арктики продолжаются!»

О том, как они будут развиваться в дальнейшем, нам рассказал заместитель начальника Главсевморпути Герой Советского Союза Евгений Иванович Толстиков:

— В дальнейшем работы по изучению Северного полюса будут идти по трем направлениям: на дрейфующих станциях, на судах — ведь теперь мы имеем такие мощные ледоколы, как атомоход «Ленин», «Москва»,— и на самолетах. Разумеется, полярные станции будущего будут отличаться от современных. Войдут в быт автоматы, они заменят людей. Все это позволит вести такие исследования, о которых 25 лет назад можно было только мечтать.

Г. ТАБАЧНИК

ЗНАТОК ШЕКСПИРА

В Государственной Третьяковской галерее находится широко известная картина В. Серова «Мика Морозов». Глаза маленького мальчика широко раскрыты. В них удивление, свет, сияние. Мальчик вырос, стал ученым-шекспироведом с мировым именем. Все знавшие профессора Михаила Михайловича Морозова, слышавшие его выступления никогда не забудут красивого лица с широким разлетом темных бровей, энергичного жеста, богатства мимики и интонаций.

Артистичность Морозова — прирожденного оратора — особенно проявлялась в живой речи. Неспокойный и своевольный, он умел властно овладевать аудиторией, покорять ее, вводил в мир глубоких и могучих, веселых и страшных шекспировских персонажей.

Морозов был ученым и художником одновременно. Поэтому его привлекала красота природы, своеобразие человеческих характеров, героика, творческий гений — все богатство окружающего мира. Может быть, именно оно и давало ему возможность так вдохновенно и убедительно раскрывать в искусстве, особенно в шекспировском творчестве, сочетание поэзии с действительной жизнью.

Вводя своих слушателей и читателей в атмосферу отдаленной эпохи, М. Морозов всегда умел через малое видеть большое и никогда не терял исторической перспективы, оставаясь человеком нашего времени.

В течение многих лет Морозов руководил кабинетом Шекспира и западной драматургии Всероссийского Театрального Общества, активно помогая работникам театра в постановке шекспировских произведений.

Крупнейший специалист, обогативший своими трудами мировое шекспироведение, хорошо известный за рубежом, М. М. Морозов был видным общественным деятелем. Он был автором многих ценных книг о Шекспире, работ непреходящего значения.

А. ПОЛЬ

После выступления «Огонька»

НЕ РАСХЛЕБАЛИ...

Прошло полгода, как в «Огоньке» (№ 47 за 1961 год) был опубликован фельетон «Уха с крючками» — о браконьерах-клеветниках из Брянска. На столах редакции — пачки писем, взволнованные отклики читателей. «Как инспектор рыбоохраны прошу ответить, расхлебали ли в Брянске браконьерскую уху? — спрашивает тов. Ильенко из Ростовской области.— Чем кончилась вся эта клевета браконьеров Зотова, Мельникова и других на инспекторов? У нас на Дону тоже еще не перевелись браконьеры-хапуги и такие же клеветники. Вот почему я считаю важным выступление «Огонька».

«Главное достоинство фельетона в том, что он отразил не только брянскую трагедию,— поддерживает старший госинспектор рыбоохраны Орловской области тов. Митьков.— У нас возникает такой же крик о помощи и справедливости, какой подали работники Брянской инспекции...»

Вот письмо из Курганской области. Пишет старый коммунист полковник запаса Михаил Дмитриевич Рощупкин: «Позволительно спросить у Зотова, Халявина и Мельникова, как они думают участвовать в строительстве коммунизма? Видимо, они думают вползти в него! Я предлагаю возбудить ходатайство перед Министерством обороны — лишить Зотова и Халявина воинских званий и исключить из партии. Браконьеры должны понести заслуженную кару и за браконьерство и за клевету. Потворствовать таким нельзя. Совесть не позволяет...»

«За нарушение советских законов, хищническое уничтожение народного достояния и клевету на честных работников просим редакцию «Огонька» поставить вопрос перед соответствующими организациями об исключении из партии и предании суду злостных браконьеров»,— высказывают свое мнение инженер Фурсов, машинист Климов и шахтер Мартыненко (г. Красноармейск).

Тов. Чистяков из города Николаева напоминает о том, что Владимир Ильич Ленин считал необходимым строго наказывать браконьеров, невзирая на лица. «Очень плохо, что в Брянске,— заканчивает свое письмо тов. Чистяков,— не могут защитить советских работников от клеветников».

Как же отнеслись к браконьерам в Брянске? Там сделали вид, что ничего не произошло. Из Брянска редакция получила несколько казенных строк. Начальник УВД Брянского облисполкома тов. Богатырев отписался: «Фельетон признан правильным. Что же касается привлечения клеветников к уголовной ответственности, то нами, в соответствии с законом, разъяснено и рекомендовано тов. Борисову и Иващенко обратиться в народный суд в порядке частного обвинения».

А какого мнения придерживается Брянский обком КПСС? К сожалению, несмотря на неоднократные напоминания редакции, обком молчит.

Пора бы уже расхлебать браконьерскую уху!

Николай ВИРТА

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Новогодний подарок Хайна

— Хайн!

Молчание. И еще раз:

— Хайн! Ты спишь, медвежонок?

Снова молчание, и легкое похрапывание, доносящееся из клетушки, отгороженной от подвальной комнаты фанерной переборкой.

— Бог с тобой!

Пожилой сухопарый человек в генеральской шинели, небрежно накинутой на плечи, постояв около грубо сколоченной двери, принялся шагать из угла в угол.

«Да,— думал он,— когда я был в возрасте Хайна, я тоже любил поспать. Меня стаскивали с кровати за ноги. Боже, как давно это было!»

Побродив по комнате, генерал присел к письменному столу, заваленному бумагами. Слева, на отсыревшей стене, висела карта фронта.

Фронт проходил в черте большого города, расположенного вдоль Волги. Жирная линия, выведенная на карте цветным карандашом, начиналась на северной окраине, чуть подальше того места, где остров делил реку на два рукава, потом, загибаясь, шла по западным предместьям и снова утыкалась в реку на юге. Таким образом, линия фронта как бы огромной подковой огибала город.

Мельком взглянув на карту, генерал нахмурился. Он командовал армией, зажатой внутри этой подковы и припертой к реке. Хуже всего было то, что подкова неотвратимо сжималась; все попытки генерала и его солдат раздвинуть ее и выскочить на оперативный простор неизменно кончались неудачами, а на помощь извне почти не было надежды.

Генерал отвернулся от карты и поглядел в квадратное окно, забранное решеткой и выходившее в обширный двор. Эта картина тоже не слишком веселила его. Подступы к окну заминированы снаружи, и подходить к нему строго запрещалось. Иногда генерал ловил себя на мысли, что он заключен в тюремную камеру... Впрочем, он был в полной уверенности, что и настоящая тюрьма не за горами. Однажды генерал познакомился с тюрьмой. Нет, он не был узником... Просто ему пришлось побывать на командном пункте дивизии Шемера и Даниэльса: он располагался в тюрьме этого города на Волге.

Да, той картины ему никогда не забыть! Командиры дивизий помещались в камерах, наскоро оборудованных под кабинеты. Настоящие каменные мешки с окошками, забранными толстыми железными прутьями. До войны тут сидели убийцы и грабители... Генерал, разговаривая с командирами дивизий, вдруг поймал себя на мысли — такой странной, что она поразила его. Генералы и он, командующий армией, не похожи ли они на тех, кто занимал эти камеры в мирные времена? Преступники сменили преступников: разве дивизии Шемера и Даниэльса не убивают, не грабят, разве армия, подчиненная ему самому, не совершает деяния в тысячи раз более страшные, чем проступки уголовников? Те вламывались в квартиры мирных людей, на их совести два-три убийства, пять-шесть грабежей со взломом... А его армия вломилась в мирную страну, на ее совести десятки тысяч убитых. А грабежи?.. Да кто ж считал, сколько мирных людей ограблено солдатами фюрера!

Командующий поспешил убраться из тюрьмы: она навевала на него слишком мрачные мысли.

Генерал снова выглянул в окно. По двору, подобно сонным мухам, шатались без дела солдаты и офицеры, вооруженные автоматами. Физиономии этих людей были серы и угрюмы, словно их угнетало не столько положение, в которое они попали, сколько хмурый, холодный и ветреный день — последний день уходящего в вечность года.

С утра падал снег и запорошил штабные машины, сделанные разными фирмами Европы. Они стояли во дворе на приколе. Ездить на них некуда. Фронт сжался так, что в некоторых местах до переднего края можно дойти за полчаса через развалины домов, груды битого кирпича и щебня, минуя надолбы и проволочные заграждения, полуразрушенные снарядами артиллерии и бомбежкой с воздуха.

Сегодня молчала артиллерия и не летали бомбардировщики. Лишь кое-где слышались короткие очереди автоматов и огонь пулеметов на флангах.

«Может быть, русские тоже празднуют канун Нового года,— плелись ленивые мысли. Генерал встал и снова зашагал, тяжело и медленно, из угла в угол.— Все люди отмечают этот день. Почему бы его не праздновать русским?.. Интересно, сколько времени я могу продержаться? Впрочем, там увидим...»

Когда наступит это неопределенное «там», генерал не знал и не желал о том думать. Думать сейчас ему вообще не хотелось.

Самое страшное из человеческих чувств — равнодушие, когда ничто не радует и все валится из рук, равнодушие ко всему на свете, безразличие к происходящему. Полная душевная опустошенность овладела генералом задолго до этого угрюмого дня.

Новый год — и он отлично это знал — не принесет ни радости, ни освобождения от сосущего душу ожидания рокового, неизбежного конца.

Это было страшнее самой страшной болезни. Всякий больной мечтает об избавлении от недуга, генерал и об этом не мечтал. Порой он смотрел как бы со стороны на себя и казался самому себе разлагающимся трупом среди того живого, что еще чего-то ждало и на что-то надеялось.

Бродя по грязной, плохо натопленной комнате, с отвратительными подтеками на стенах и изморозью в углах, он вспоминал детство и новогодние дни в теплом и уютном отцовском домике, в деревушке с красными черепичными крышами, среди которых возвышалась старинная кирха. Далеко на горизонте всегда виднелись клубы дыма: там Кассель, большой и шумный город. Мальчик не любил городского шума. Он предпочитал тихую деревню, где все так просто и красиво. Он отличался скромностью, мало шалил, был молчалив, аккуратен, до педантизма прилежен. Педагоги хвалили его, ставили в пример сверстникам, родители не чаяли в нем души.

Таким же аккуратным, исполнительным и щепетильно-педантичным он остался на всю жизнь. И всю жизнь он провел либо за школьной партой, либо за столом академии, либо за картами и бумагами в тихих, старомодных кабинетах военного министерства.

Беспрестанное корпение над картами и бумагами сделало его сутулым, поэтому он казался ниже своего роста. Небритое, длинное и узкое лицо, редкие волосы, начавшие седеть, прилизаны и разделены на прямой пробор. В углах бескровных губ — глубокие поперечные морщины, глаза глубоко ввалились, взгляд мертвенно-тусклый. Неестественно длинные руки висели словно плети. Левый глаз то и дело дергался.

— Господи, как это все странно! — сказал он вслух.— И кто мог знать, что на пятьдесят третьем году жизни и в этот самый день я буду так далеко от семьи!

Вяло передвигая ноги, он подошел к обеденному столу в углу, на котором, кроме блюда с тощим, пережаренным гусем и бутылки «Мартеля», ничего не было, налил рюмку коньяку, выпил, срезал перочинным ножом тонкий ломтик мяса с гусиной ножки и, медленно жуя, опять зашагал взад-вперед.

«Интересно бы знать,— все так же лениво плелись мысли,— будет ли сегодня дома праздничный гусь и где встретят Новый год сыновья? Теперь я не скоро увижу их! Если увижу вообще...»

— Хайн! — Генерал не мог больше быть в одиночестве.— Слушай, Хайн! Да проснись же, увалень!

Молчание и храп за переборкой.

— Хайн! — Генерал постучал в дверь.

Храп мгновенно прекратился, и тотчас из клетушки выскочил парень лет двадцати в солдатской униформе. Скрывая зевки ладонью, он остановился в почтительной позе около стола.

— Я слушаю вас, господин...

Генерал не дал ему договорить.

— Потише, Хайн. Мне нездоровится, и я не выношу громкого разговора. Извини, у меня разгулялись нервы.

Хайн наклоном головы дал понять, что он учел замечание.

— Хайн, где ты взял этого гуся?

— Я взял гуся, господин генерал-полковник...

Его снова прервали.

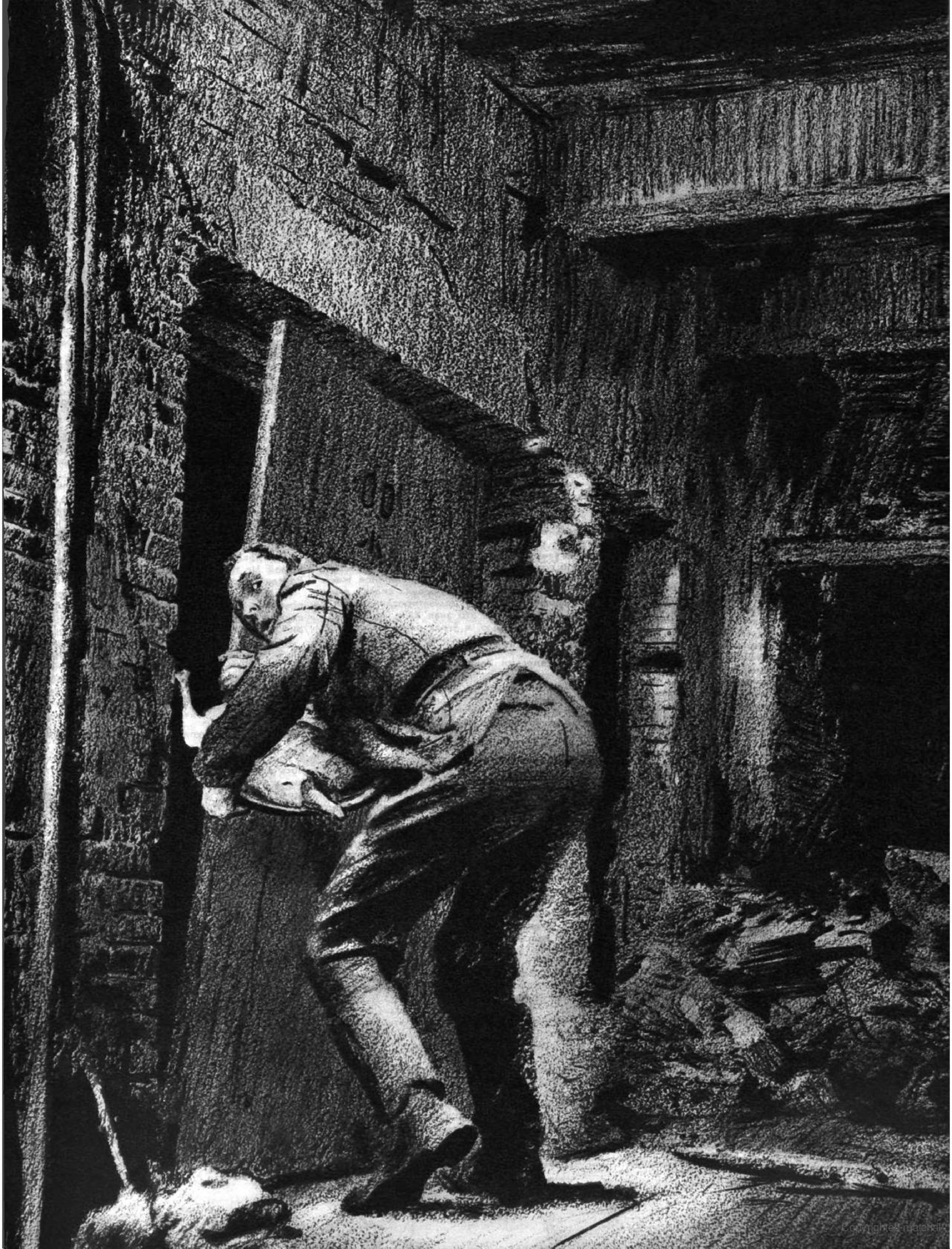
— Если можно, Хайн, обойдись сегодня без вранья. Закончим сорок второй год правдивым ответом, если это не слишком затруднит тебя. Подумай, прежде чем сказать. Итак?

Хайн несколько мгновений стоял молча. Это был туповатый малый с зеленоватыми плутовскими глазами и добродушной румяной физиономией, довольно упитанный, неуклюжий, действительно похожий на медвежонка. Узкий лоб собрался в гармошку. Полные мальчишеские губы шевелились. Хайн в ту минуту был похож на человека, решающего сложную проблему.

— Я никогда не лгу вам,— с усилием проговорил он.

— Хайн,— услышал он торжественно произносимые слова.— Ты уже солгал, сказав, что никогда не лжешь мне.

Хайн переминался с ноги на ногу. Ему отчаянно хотелось зевнуть.

— Скажи, Хайн, почему все вы вбили себе в головы мысль, будто мне нельзя говорить правду? Почему все лгут мне, Хайн?

— Уж такая ваша должность,— выдавил Хайн. Он поднес руку к носу с очевидным намерением поковырять в нем, но вовремя опамятовался.— Что делать, должность! — Хайн пожал плечами.

— Хорошо,— помолчав, снова начал генерал.— Ты не сказал, где взял этого гуся. Пожалуйста, я тебя очень прошу, не лги.

Хайн переменил положение. Глаза его неотрывно были прикованы к блюду с гусем.

Он судорожно проглотил слюну и сказал:

— У русских! Там! — И махнул рукой в пространство.

— У русских? — Седеющие брови вопросительно поднялись.— Значит, здесь еще есть русские? Мне сказали, что все они бежали, эти безумцы.

— Есть, есть.— Хайн поперхнулся.— Немного,— добавил он, поняв, что, если все врут этому человеку, почему ему быть белой вороной?

— Мне сказали, что нет никого.

Молчание.

— Ну, хорошо. Значит, ты украл этого гуся у людей, которые могли бы съесть его сегодня и хотя бы этим отпраздновать Новый год?

— Разве они люди? — ответил Хайн вопросом на вопрос.

— А кто же они?

— Славяне, я слышал.

— Славяне тоже люди.

— Неполноценные, смею заметить. Так нас учили.

— Мне неинтересно знать, чему вас учили. Я хочу знать одно: ты помнишь, где украл гуся?

Хайн молчал.

— Вспомни и отнеси гуся туда, где ты его взял. Скажи тем людям, что германская нация и германская армия не имеют вражды к мирным русским людям.— Генерал возвел глаза вверх, как бы призывая в свидетели небеса, что, ей же право, он не обижал и не хочет обижать добрых, мирных русских людей.— В подтверждение этого я разделил с русскими новогоднюю трапезу, отрезав от ножки ломтик мяса.

— Я не знаю, где он живет... Это было ночью,— жалобно сказал Хайн.

— Ты должен вспомнить,— с мягкой настойчивостью убеждал его генерал.

— Виноват, но не могу. Было очень темно, стреляли. Я полз. Это почти у переднего края. Я едва не попал в плен. Какой-то старик с бородой и в валенках так вцепился в гуся и так кричал, что я чуть не помер со страху.

Генерал посмеялся.

— Но зачем тебе был нужен этот несчастный и, видно, весьма пожилой гусь? Разве у нас уже не осталось еды?

— Нет, господин генерал-полковник, для вас-то еда есть. Не так уж много, но есть.— Хайн поднял на генерала мальчишеские глаза.— Но мне очень захотелось сделать вам новогодний подарок. Гуся вам не могли достать. Вот я и решил... И чуть не угодил к русским.— В последних словах Хайна слышался упрек.

— Спасибо за внимание, Хайн. Если бы ты не был таким отчаянным вралем, я не имел бы к тебе никаких претензий. Ты славно ухаживаешь за мной. И как мне отучить тебя от вранья? — Генерал с улыбкой смотрел на Хайна. Левый глаз его дернулся.

— Я отучусь,— тихо сказал Хайн.

Снова молчание. Хайн переминался с ноги на ногу.

— Ладно. Допустим, ты сказал правду и действительно не знаешь, каким образом возвратить этого гуся. В таком случае ты отнесешь его раненым. И если посмеешь съесть хоть крылышко, я оторву тебе голову, слышишь? — Глаз опять дернулся, и снова от улыбки.

— Да, господин генерал-полковник,— уныло пробубнил Хайн.

— Ты отдашь гуся тяжелораненым. Не обязательно сообщать, кто дарит им новогоднее угощение. Это вовсе не обязательно, ты понял меня?

— Так точно, господин генерал-полковник.

— Итак, возьми гуся.

Хайн взял блюдо. В горле у него запершило: от гуся шел раздражающе сладкий запах.

Выслушав распоряжение, Хайн решил про себя, что оно по меньшей мере неразумное. Съедят раненые гуся или нет, лучше им не станет. Все равно не сегодня-завтра все они перемрут. Нет, он съест гуся сам. Сначала мясо, потом мелкие косточки, потом раздробит крупные и высосет из них мозг. Жаль, что человек не может есть крупные кости, в них тоже есть питательные вещества, и они очень бы пригодились! Никогда не стоит пренебрегать хотя бы унцией еды. Кто знает, что будет завтра! Да, да, запасаться жратвой впрок, любой пищей набивать желудок... Пусть он пухнет, это даже приятно. От разбухшего живота люди не помирают — уж это-то Хайн знал наверняка.

Такие мысли неслись у него в голове, пока он подходил к столу и брал блюдо с гусем.

— Можно идти, господин генерал-полковник?

— Да.

Генерал-полковник остановил Хайна у двери:

— Я забыл сказать... ты отдашь гуся не офицерам, а солдатам, тяжелораненым солдатам, слышишь?

— Так точно!

— Потом позовешь ко мне генерала Шмидта.

— Слушаюсь.

Прикрыв блюдо полой кителя, Хайн поспешил к укромному уголку, где гуся можно съесть с гарантией полной безопасности. Он выбрал комнату, некогда служившую уборной тем, кто до войны работал в подвальном помещении большого универсального магазина.

«Это ничего, что придется есть в таком месте,— размышлял Хайн.— К тому же там все смерзлось и запаха никакого. Но если бы и был запах, аромат гуся такой сильный, что он перебьет любые другие».

Хайн шагал по коридору громадного полуподвального помещения. В мирное время оно служило складом трехэтажного универсального магазина, занимавшего целый квартал в центре города. Верхние этажи магазина были разбиты бомбами и снарядами. Прочное железобетонное перекрытие подвала спасло его от разрушения. Глухая, цементированная стена, выходившая, как это знал Хайн, на улицу, покрылась плесенью, в углах расползлась изморозь: подвал топили кое-как. С потолка капало, жидкая, вонючая грязь противно хлюпала под сапогами Хайна. Освещался коридор тремя тускло мигавшими электрическими лампочками. Не доверяя полевой электростанции, кто-то приклеил свечку к крышке вдребезги разбитого пианино, попавшего сюда неведомо как и стоявшего посередине коридора впритык к стене.

Противоположная сторона подвала была разделена на полтора десятка помещений разной величины — раньше в них размещались товары, а несколько комнат занимали люди, работавшие на складе. Теперь в этих комнатах расположились два штаба: армейский и пехотной дивизии генерала Роске. Штаб Роске обосновался здесь задолго до того, как штабу армии пришлось, перебираясь из одной деревни в другую, из лощины в балку, войти в город и занять подвал магазина, потеснив тех, кто успел его обжить.

В этот ранний час в коридоре не было ни души. Хайн прошел в самый конец, воровато оглянулся, потом быстро отогнул валявшимся рядом штыком гвоздь, которым была заколочена дверь уборной, поставил блюдо на пол, вышел и загнул гвоздь.

Слава богу, поблизости никого не оказалось. Адъютант командующего армией полковник Адам, которого Хайн особенно побаивался, уехал куда-то.

Дело в том, что Адам под страхом десятидневной отсидки в карцере запретил пользоваться подвальной уборной. Ходи по нужде куда угодно: двор универсального магазина достаточно велик.

Адам лично наблюдал за ефрейтором Эбертом, когда тот забивал дверь добротным гвоздем. Однако оба они не заметили валявшегося рядом штыка. Штык служил Хайну орудием взлома запретной зоны, где время от времени он устраивал пиры, будучи хозяином и гостем одновременно.

Покончив с операцией, Хайн не спеша направился обратно.

За дверями штабных комнат слышались громкие разговоры офицеров, монотонное бормотание радистов, вызывавших полки и дивизии, стрекотание пишущих машинок, смех и брань.

Хайн мурлыкал под нос песенку. Черт побери, здорово он сообразил с гусем! Вечерком, когда все уснут, он нажрется до отвала, как сам фюрер там, в Берлине. Никто не дознается, отдал Хайн гуся раненым или нет. Командующему не до того, чтобы проверять чепуховые приказания. Кроме того, как-никак он доверял своему ординарцу. И не только доверял, но и по-своему любил его — это Хайн знал. Впрочем, и было за что: больше года Хайн добросовестно служил генерал-полковнику и уважал его, пожалуй, гораздо больше, чем фельдмаршала фон Рейхенау, к которому Хайна определили ординарцем в самом начале войны.

«И надо же было Рейхенау помереть! — с досадой думал иногда Хайн, вспоминая золотые денечки, проведенные с фельдмаршалом.— А все от скверной привычки напиваться до бесчувствия...»

Рейхенау поехал как-то на охоту, вернулся в Полтаву, зашел в казино, напился, потом потребовал крепкого кофе.

Хайн заупрямился:

— Господин генерал-фельдмаршал, вам нельзя кофе: у вас больное сердце!

Господин генерал-фельдмаршал гнусно обругал Хайна, и тот подал шефу кофе.

«На, жри!»

Рейхенау выпил две чашки, потребовал третью, и тут его хватануло. Хайн погрузил фельдмаршала в самолет, чтобы отправиться с ним в Лейпциг.

«Хо-хо! В Лейпциг, на родину!» Как ни хорошо жилось Хайну в штабе Рейхенау, но все-таки это фронт, кругом бродили партизаны и подстреливали солдат и офицеров, словно куропаток. Хайн блаженствовал: болезнь у шефа затяжная, полгода ему непременно валяться в кровати, и он, Хайн, сумеет смотаться домой. Не тут-то было! Не долетев до Львова, Рейхенау испустил дух.

Уж то-то грустил этот малый, уж так-то он привык к пьянчужке-шефу. Тот тоже относился благосклонно к ординарцу и даже подарил ему перочинный ножик.

Хайну было невдомек, что смерть шефа опечалила не только его, но и самого фюрера. Мог ли знать глупый Хайн, что Вальтер фон Рейхенау был сыном крупного промышленного туза, одного из тех тузов, кто с д е л а л Гитлера канцлером Германии.

О тех, кто покупал, а потом продавался

Хотя имя Рейхенау-старшего и не значилось в списке семи германских магнатов стали, угля, химии и банков, передавших будущему фюреру, этой «темной лошадке», шпику рейхсвера Адольфу Гитлеру, десятки мил-

лионов марок для его партии, зато фон Рейхенау-старший отдал ему своего сына, генерала рейхсвера Вальтера фон Рейхенау.

В те шаткие месяцы 1933 года, когда многотысячные демонстрации на улицах Берлина и Дрездена требовали раздавить фашизм и не пускать Гитлера к власти, фюреру позарез были нужны войска рейхсвера, которые помогли бы ему подавить «коммунистическую чернь» и вырвать из рук Гинденбурга власть. Ему позарез нужны были и генералы, которые повели бы армию в бой с непокорными рабочими массами Германии, не желавшими Гитлера.

И генералы пришли к нему. Никто не тянул их, никто не принуждал Вернера фон Бломберга, главного военного советника при немецкой делегации в Женеве, одного из тех, кто особенно давил на Гинденбурга, примкнуть к Гитлеру и стать фашистом. Никто не понуждал к тому и Вальтера Рейхенау.

Но как Гитлеру были нужны не только генералы индустрии, купившие его, но и генералы военные, так им нужен был Гитлер, потому что генералы рейхсвера рвались к реваншу, им снилась и виделась война. Сначала раздавить Запад, затем обрушиться на «большевистский» Восток. А то, что Гитлер и во сне видел войну, не было ни для кого секретом: разве не написано об этом черным по белому в библии нацизма, сочиненной фюрером? Разве не он вписал туда зловещие слова: «...Мы переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но если мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы не можем в первую очередь не думать о России и подвластных ей окраинных государствах...»

И вот канцлером становится Адольф Гитлер, тот самый тщедушный человечишка со смешными усиками, которому капитан Рем, политический советник генерала Эппа, знаменитого своей кровавой расправой с Баварской Советской республикой, поручал шпионить за многочисленными политическими партиями Баварии. Адольф бродил по мюнхенским кабакам и пивным. Он слушал, подслушивал и доносил. Ему платили гроши. Он усердствовал. Ему платили больше. Наконец ему удалось переманить к себе партию некоего Антона Дрекслера, законом которой было слепое подчинение вождю, уважение к верховному командованию рейхсвера.

Уважение к верховному командованию рейхсвера — вот оно в чем дело! Это-то и надо генералам рейхсвера!

Адольф рабски кланялся рейхсверу. Его заметил сам Эпп. «Молодой человек весьма усерден!» И вот Адольф получил уже не очередную подачку, а крупный куш из рук Эппа: ему купили газету «Фелькишер Беобахтер»... Прошло время, и партия Адольфа начала греметь, громыхать, резать, убивать, загонять противников в подполье...

Теперь, усевшись за стол канцлера, Адольф вспоминает помощь Бломберга и Вальтера Рейхенау. Первый становится военным министром, второй — начальником его личного штаба.

«Придите ко мне, страждущие и ждущие, и я обласкаю вас!» — перефразируя известное евангельское изречение, восклицает Гитлер.

Страждущие и ждущие генералы, видя, как высоко вознеслась их братия, бегут к фюреру. Бегом. Вприпрыжку. Перегоняя друг друга. Генерал Гаммерштейн-Экворд прибежал первым и получил должность главнокомандующего рейхсвером. Потом генерал Адам. Этому достается должность начальника войскового ведомства.

Из некоего мрака выползают еще двое: убежденнейший монархист генерал фон Фриче и генерал Бек, сын Людвига фон Бока, главы гессенской металлургической фирмы «Л. Бек и К°». Эти тоже пришли за должностями. И, конечно, получили их...

Лиха беда начало... Глядя на шестерку, отхватившую столь жирные куски, генералы устремились к канцлеру навалом: чем, дескать, мы хуже прочих, ваше высокопревосходительство? Уж, пожалуйста, и нам сладенького!

И сладенькое не замедлило быть. Едва устроившись на престоле, Адольф пожелал быть гостем верхушки рейхсвера. Генерал Гаммерштейн-Экворд приглашает канцлера в гости. Он еще не знал, что скоро ему дадут пинка, ибо он чем-то «не устроил» фюрера.

В вилле генерала — цвет германской военщины. Многие из них еще не видели новоиспеченного канцлера. «Каков-то он, этот выскочка?» — шепчутся одни. Другие, более дальновидные, помалкивают. Шум стихает, когда канцлер, весь в коричневом, с непременным черным пауком на красной нарукавной повязке, занимает почетное место. Десятки моноклей вскидываются к глазам. Пожилые и молодые детки промышленников, баронов, графов, прусских юнкеров и баварских кулаков рассматривают Адольфа, как некое неизвестное насекомое, вдруг выросшее в слона.

Не нашлось ни одной шавки, которая посмела бы тявкнуть на него. Напротив, все жадно прислушиваются к каждому его слову. Но пока он молчит и ест. Едят и остальные. Десерт будет потом. Десертом будет трехчасовая речь фюрера, в которой он выложит карты на стол. Он говорит об уничтожении коммунистов и вообще всех «левых элементов». Ему аплодируют, но пока не слишком громко. Потом канцлер начинает излагать программу военного производства. Тут у деток промышленных магнатов начинают течь слюнки. Аплодисменты, уже более горячие, переходят в овацию, когда фюрер объявляет, что Германия слишком перенаселена и ей необходимо «жизненное пространство», а его, как известно, особенно-то искать нечего: оно под боком, в России. Но так как Россия вряд ли намерена поделиться им с германской нацией, то его надо взять силой, то есть войной, в которой заодно следует покончить с большевизмом и с Россией как государственным понятием вообще.

Господам генералам, полковникам и прочим, присутствующим на обеде, особенно понравилось то место, где фюрер говорил, что будущий вермахт должен остаться аполитичным и беспартийным, что внутренняя борьба — забота нацистских организаций, а дело вермахта — готовиться к войне. Сейчас же, не сходя с места...

С генеральского пира фюрера вынесли чуть ли не на руках: наконец-то нашелся человек, который так тепло говорил о рейхсвере и так точно определил его задачи! Хох! Хох! Хайль Гитлер!

А фюрер, уехав с пира, ухмыляясь, говорил в тот же день своим коричневым приятелям: «Если бы армия не стояла на нашей стороне, то мы бы не были здесь!..»

...Всего этого не знал глупый Хайн, хороня своего шефа. Не знал он и того, что первый из прибежавшей к Гитлеру генеральской орды, то есть Вальтер Рейхенау, сочинил знаменитую присягу, в которой все чины рейхсвера клялись «...перед господом богом безропотно подчиняться фюреру немецкого государства и народа — Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженными силами...».

А сочинялась присяга в тот день, когда престарелый Гинденбург, пустивший Гитлера к власти, как говорится, отдал концы. Еще не успел остыть труп президента республики, к Гитлеру прикатили его старинные приятели Бломберг и Рейхенау. Именно эти генералы, имея за спиной прочную генеральскую свору, а стало быть, и рейхсвер, поддержали фюрера в столь тягостную минуту утраты его воспреемника. Это они посоветовали ему разделаться с прогнившей парламентской системой и так называемой «демократией». Вняв их советам, Адольф без ложной скромности объявил, что отныне функции президента и рейхсканцлера германского рейха, а заодно (куда ни шло!) обязанности главнокомандующего он будет исполнять один.

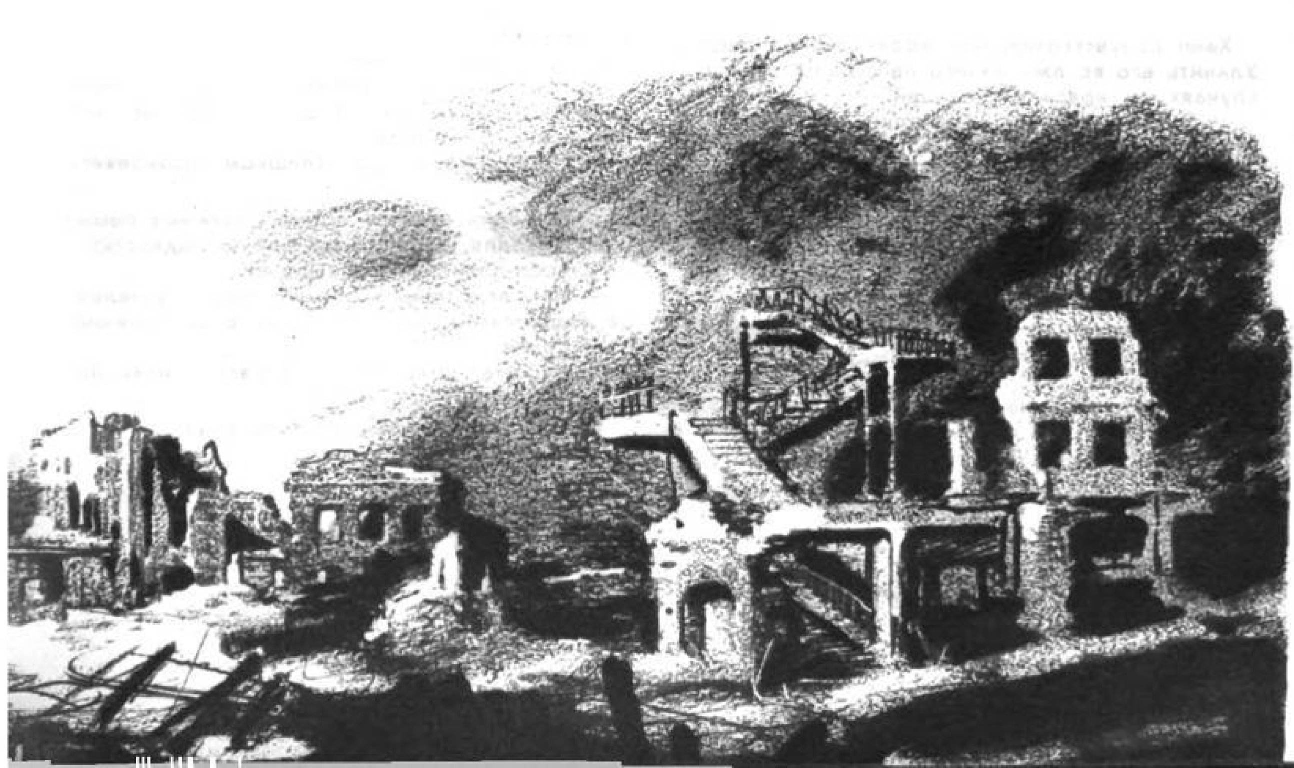
Давая столь полезные советы человеку, который, как сказал Бломберг, «вышел из рейхсвера» и «навсегда останется нашим», думал ли Вальтер фон Рейхенау, что пройдут годы, генералы, ползавшие перед Гитлером на коленках и лизавшие его сапоги, хором откажутся от своего «любимого» Адольфа, все взвалят на него, а себя представят эдакими невинными ягнятками, насильно загнанными в фашистскую овчарню?!

Думал ли он, что и папаша его, а с ним боссы металлургии (Тиссен, например, или Рейш), угольной промышленности, финансов (Шахт и другие), химии и судостроения, помещичьего хозяйства и прочие, державшие в своих руках полуторамиллиардный капитал, подписавшие обращение к Гинденбургу о передаче власти Гитлеру, а когда он пришел и занял сразу три самых высоких должности в империи, подарившие ему для нацистской партии солидные куши (один Шахт отвалил три миллиона марок да еще поблагодарил фюрера за то, что он их взял, сопроводив это нежное излияние верноподданнической фразой, как он и его директора довольны поворотом политических событий!), что и они, получившие впоследствии многомиллиардные куши от Гитлера, тоже откажутся от него и лицемерно будут выть о их непричастности к злодействам фюрера!

Разумеется, Хайн ничего в высшей политике не понимал, а его печаль о столь преждевременно давшем дуба шефе носила характер в большей степени своекорыстный: тотчас после похорон Рейхенау его снова отправили в армию и назначили ординарцем к генерал-полковнику.

Да если бы Хайн знал, как обернется победоносный марш армии к этому проклятому городу и к этой проклятой реке, черта с два он согласился бы обменять одного неудачника на другого... Уж как-нибудь он бы напросился в ординарцы к какому-нибудь генералу в тылу, мало ли их околачивается там!

«Вот не везет, вот не везет! — горестно раздумывал Хайн.— Конечно, этот подвал куда безопаснее окопа, но чем это все кончится — вот вопрос. Выручит фюрер армию — слава богу, не выручит — подыхать нам либо

в этой вонючей яме, либо в большевистской тюрьме. Охо-хо, выпало на мою долю этакое! Один хозяин на том свете, другой, того гляди, уберется туда же, если не попадет в лапы комиссаров. Впрочем, что думать о будущем! Как-никак я сыт, все подлизываются ко мне, все стараются угодить, ведь в штабе отлично знают, что генерал-полковник любит и балует меня. И если он однажды отправил меня в карцер, это было сделано не со зла: не стоило мне путаться с той девчонкой из госпиталя высшего командного состава».

Девчонке из Ганновера не нравилось ухаживание пятидесятилетнего генерал-лейтенанта Шмидта: она была влюблена в Хайна. После объятий старика, каким для нее был Шмидт, ласки Хайна казались такими милыми...

«И все-таки зря я перебежал дорогу начальнику штаба армии, напрасно, черт побери».

Придравшись к какой-то вздорной провинности Хайна, Шмидт пожаловался на него генерал-полковнику. Тот послал Хайна в карцер. Девчонка больше не отказывала Шмидту в ласках: он умел уламывать самых упрямых... Глупейшая была затея, что и говорить. Ненависть Шмидта — вот чем она окончилась, не считая карцера...

Так раздумывал Хайн, медленно, чтобы затянуть время, шагая по коридору. Из комнаты штаба Роске вышел ефрейтор Эберт, радист.

— Здорово, Карл, старина! — Хайн ткнул кулаком в живот толстого Эберта.— Какие новости?

— Сигарету за каждую,— басом сказал Эберт.

— Я продам тебе за три сигареты самую секретную новость,— возразил Хайн.

— Ну, ври больше!

— А вот и не вру. Убей меня бог, если мы продержимся в этом вонючем котле больше месяца.

— Откуда тебе знать?

— Это бормотал сегодня во сне командующий, а я слышал. Он долго ворочался на кровати, потом заснул и начал бредить. Давай три сигареты!

— Мне не надо спать, не надо видеть кошмаров и не надо быть командующим армией, чтобы знать это.

— Нас наверняка всех перебьют,— сказал Хайн.

— Кто знает! Дай закурить.— Толстый Эберт затянулся и продолжал: — Я перехватил разговор двух русских командующих. Они рассуждали о наших пленных, куда, мол, их девать. Не похоже, чтобы их решили прикончить всех до одного.

— Может, в самом деле они не людоеды, эти большевики, Эберт, а? — с надеждой спросил Хайн.

— Ты дурень,— с видом знатока сказал Эберт.— Воюешь с русскими полтора года и не знаешь их, вот что я тебе скажу. Они такие же люди, как мы с тобой.

— Нам говорили другое.— Хайн вздохнул.

— Мало ли какую чепуху вбивали в наши пустые головы! Разница между нами и русскими только в том, что сначала мы колотили их, теперь они принялись колотить нас. И, видно, всерьез.

— Ну, не расколотят же они всю германскую армию,— возразил Хайн.

— Все армии для того и существуют, чтобы уничтожать или быть уничтоженными. Боюсь, как бы это не случилось с нашей армией. Больно уж крепко русские принялись за нас. Впрочем, наше с тобой дело маленькое — выжить...

— Это самое главное,— авторитетно подтвердил Хайн и вдруг сорвался с места.— Командующий приказал вызвать Шмидта, а я болтаю с тобой, ублюдок! — Он снова ткнул Эберта в живот и замаршировал по коридору.

— Стой! — крикнул Эберт.— Ты не слышал, не дадут ли нам что-нибудь добавочное из жратвы ради Нового года?

— Как же, жди! — Хайн махнул рукой и подмигнул самому себе. Уж ему-то сегодня попадет кое-что добавочное! Дома этот день отмечают картофельной шелухой, жаренной на прогорклом маргарине. А у него гусь, хе-хе, целый большой гусь! Вот бы позавидовали Эльза и Анна, узнав, что их братишка обладает таким бесценным сокровищем!

Хайн открыл ту самую дверь, из которой вышел пятнадцать минут назад: время достаточное для того, чтобы сбегать в соседний подвал, где на полу, на полусгнившей соломе и рогожах, лежали раненые — сотни три, если не больше. Хайн был там на днях с генерал-полковником: тот раздавал раненым ордена. Хайна чуть не стошнило при виде крови и гноя. Нет уж, больше он туда не покажет носа! Отдать этим подыхающим гуся? Как бы не так!

Хайн вошел в комнату, называемую приемной, с таким же квадратным окном, забранным решеткой, с теми же голыми стенами, подтеками и изморозью в углах, что и в комнате командующего армией. Только вместо стола у окна стояла ученическая парта, обыкновенная парта, с сиденьем, до блеска натертым штанами тех, кто занимался за ней.

Как-то от безделья Хайн попытался разобрать слова, вырезанные перочинным ножом на поверхности парты. Особенно его заинтересовала таинственная формула: «Катя + Ваня = любовь». Хайн так и не понял, что это такое. Не понял и других загадочных знаков и изречений. Русский язык чертовски трудный, понять его невозможно! Да, непонятные, загадочные и сложные эти русские.

Налево — комната командующего армией, направо — начальника армейского штаба Шмидта. Хайн осторожно постучал в правую дверь.

— Да! — раздался резкий голос.

Хайн вошел и стал навытяжку.

В обшарпанном кресле сидел генерал-лейтенант Шмидт, пожилой человек, с холеным лицом, подтянутый, тщательно выбритый, одетый словно с иголочки. Он курил скверную эрзац-сигару, распространявшую вонь.

— Ну, что? — спросил Шмидт, неприязненно взглянув на Хайна: он еще не простил ему историю с той девчонкой из Ганновера.

— Господин командующий просит вас к себе, господин генерал-лейтенант.

— Сообщи господину генерал-полковнику, что я буду через двенадцать минут. Мне должны передать важное сообщение из ставки верховного главнокомандования.

— Слушаюсь.

— Скажи, Хайн, командующий уже обедал?

— Никак нет. Он съел маленький ломтик гусятины.

— Значит, на обед у нас будет гусь? Славно, славно! — Шмидт проглотил слюну. Хайн заметил это.

— Никак нет! — злорадствуя, отчеканил Хайн.— Господин генерал-полковник приказал отдать гуся тяжелораненым. И я отнес его им.

— Идеализм, этот вечный идеализм,— пробормотал Шмидт.

— Мне можно идти? — осведомился Хайн, радуясь, что ни единого кусочка гусятины не попадет Шмидту.

— Иди.

Хайн сделал отчетливый полуоборот и уже открывал дверь, когда услышал голос Шмидта:

— Что ты делал в заколоченной уборной, Хайн?

Хайн почувствовал, как кровь залила лицо. Уличить его во лжи ничего не стоило: в таких случаях он краснел до ушей.

— Я не понял вас, господин генерал-лейтенант.— Хайн повернулся к Шмидту.

— Меня отлично поняла твоя покрасневшая до корней волос физиономия, Хайн.

— Я... я оправлялся, господин генерал-лейтенант.

— Вот как? Несмотря на строжайший запрет?

— Я спешил из госпиталя к вам и...

— ...и все мы должны наслаждаться тем букетом запахов, которыми ты одарил нас в канун Нового года? Не так ли, Хайн?

«Слава богу, про гуся не знает!» — мелькнула мысль у Хайна.

— Я исправлю свою вину,— пролепетал он.

— Да, Хайн, ты соберешь то, что оставил в уборной, выйдешь во двор и сделаешь со своим добром, которым набит не только твой живот, но и голова, что тебе заблагорассудится.

— Слушаюсь.

— Слушаюсь, господин генерал-лейтенант, хотел ты сказать?

— Так точно, господин генерал-лейтенант. Можно выполнять приказание?

— Да, болван. Мог бы догадаться и принести мне хотя бы гусиную ножку. Иди!

Хайн снова сделал полуоборот по всем правилам и закрыл дверь.

— Подлая крыса! — шептал он.— Сгнившая падаль! Уж тебя-то я обведу вокруг пальца! И завтра же пойду к той девчонке из Ганновера!

Хайн медленно поплелся по коридору, вскрыл уборную, для виду повозился там, вышел, закрыл дверь ногой, не спеша продефилировал по двору, обошел запорошенные снегом машины, так же не спеша вернулся и вымыл руки снегом.

— Сукин сын,— выругался Хайн,— вот я и обманул тебя, сукин сын! — Он спустился в подвал, загнул гвоздь на двери уборной и направился к себе.

Генерал-полковник все еще шагал по комнате.

— Где ты пропадал, Хайн?

— Был в госпитале, господин генерал-полковник, потом разговаривал с господином генерал-лейтенантом. Он остался очень недоволен тем, что вы отдали гуся. Ему так хотелось откушать гусятины в этот день.

— Обойдется,— сухо сказал генерал-полковник.— Он скоро придет?

— Да.

— Иди к себе. Ты не нужен мне до обеда.

— Вы будете обедать один?

Генерал-полковник не ответил. Хайн ушел в клетушку, которую делил с полковником Адамом. Он слышал, как генерал-полковник все ходил и ходил из угла в угол.

«Гм! Здесь еще есть русские? Но ведь мне говорили, что они поголовно все бежали. Это же самое докладывал комендант города. Нет, это надо проверить!»

В дверь постучали.

— Да! — сказал генерал-полковник.

Вошел его личный адъютант полковник Адам, рослый, довольно молодой, с лицом, разрумянившимся от мороза. Оптимизм при любых обстоятельствах и общительность сделали Адама всеобщим любимцем в штабе. Генерал-полковник любил и ценил его. Как никто другой, Адам умел отвлечь шефа от невеселых дум, особенно когда армия оказалась в котле и конец неотвратимо надвигался.

— Добрый день еще раз,— весело сказал Адам.

— Какие новости, Адам?

— Да все то же, эччеленца.— Адам одно время имел дело с итальянцами и от них перенял это словечко.— А что здесь?

— Ничего особенного. Вот Хайн украл где-то гуся. Мне в подарок к Новому году.

— Мошенник! — Адам усмехнулся.— Ну, мошенник!

— Он украл его у какого-то русского старика. Оказывается, в городе есть еще русские, Адам, а я и не знал. Впрочем, об этом потом. Никаких вестей от главного командования?

— Сейчас я заходил к радистам. Ничего, эччеленца.

Генерал-полковник подавил вздох, готовый вырваться.

— А я все жду чего-то.

— Ждать благоразумия? От кого, эччеленца? Не от старика ли Кейтеля, или, как его все называют, Лакейтеля?

— Но-но, Адам! Вы слишком позволяете себе...

— И ничуть. Или вы ждете разумных решений от Йодля, готового на любую подлость?

Генерал-полковник промолчал.

— Нет, нам нечего больше ждать, эччеленца. Надо самим принимать какое-то решение.

— Какое?

Адам хотел ответить, но в дверь снова постучали.

— Да,— сказал генерал-полковник.

Вошел Шмидт.

Продолжение следует.

Какие они — мои друзья?

Тамара ПРЕСС, олимпийская чемпионка, рекордсменка мира

Еще сегодня есть люди, которые считают, что для успехов в спорте вполне достаточно слепой силы. Лишь бы руки и ноги были в порядке. Что же касается головы, интеллекта, духовной жизни и прочих тонкостей, то все это спортсмену ни к чему. Как же далеки эти «истины» от правды! Уже давно далеки!

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, есть такие строки: «Партия считает одной из важнейших задач — обеспечить воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и духовных сил».

Казалось бы, вопрос совершенно ясен, и все же, размышляя о судьбах большого спорта, о его людях — моих товарищах, вспоминая свою жизнь в спорте (а эти воспоминания обычно возникают в сознании совершенно непроизвольно), я неизменно возвращаюсь к вопросу о единстве физического и духовного развития. Почему, может быть, удивитесь вы, меня, человека спортивной практики, так привлекают теоретические глубины? Не рано ли приниматься за диссертацию и не лучше ли вместо многословных рассуждений всего лишь одна лаконичная строка, вписанная тобой в таблицу мировых рекордов? Нет, отвечу я, нет потому, что эти новые строки в рекордных списках и все, что за ними стоит, никогда не появятся, если увлечение спортом перестает быть для тебя осмысленным увлечением.

Нас, спортсменов, и наших тренеров часто спрашивают: за счет каких резервов непрерывно растут мировые рекорды? Ведь человек не гоночная машина, которую можно все время совершенствовать. Да, это правильно, человек не машина, и поэтому за цифрами рекордов стоит не только рост техники, не только развитие физических возможностей, но и рост духовных сил. Это объясняет все.

Вот сейчас, когда я пишу эти строки, в газетах опубликовано сообщение о новом блестящем успехе нашего Юрия Власова. Он установил новый мировой рекорд, выжав штангу весом в 188,5 килограмма. И мне вспоминается последняя встреча с офицером Власовым зимой в Москве, на студии телевидения, куда были приглашены пять лучших спортсменов года.

Когда нам вручили памятные подарки, Юрий Власов показал мне вазу, на которой были выгравированы цифры 580 килограммов, и сказал со вздохом: «Наверное, пятьсот шестьдесят я сделаю, а остальные доделают другие».

560 килограммов были мировым рекордом будущего, и эта цифра на 10 килограммов превышала рекордную сумму, незадолго до этого поднятую Юрием Власовым в жиме, рывке и толчке. А надо сказать, что и 550 килограммов казались еще недавно утопией, полнейшей фантастикой. Да разве может человек, пусть самый сильный в мире, победить такую невероятную тяжесть? Для этого, наверное, надо все забросить, от всего отказаться в жизни и только поднимать штангу. Но в том-то и дело, что штанга не единственное увлечение Власова. День его начинается ранним утром за письменным столом: он пишет книгу рассказов, героем которой является штангист (я прочла один из этих рассказов в журнале «Юность», и он мне очень понравился), он по-прежнему увлекается философией и особенно одним из ее разделов — этикой.

Я совершенно уверена в том, что и литература и философия не только не помешали Юрию Власову поднять 550 килограммов, но помогли ему добиться этого невероятного результата. Конечно, как бы здорово ни писал Власов, он не побил бы американские рекорды Андерсона, если бы не владел самой передовой спортивной техникой, но для того, чтобы прорваться в мир рекордных тяжестей, рекордных скоростей, рекордных высот, кроме техники и спортивной формы, нужно еще обладать и воображением, и интуицией, и чувством романтики. Самый опасный враг в спорте — это чувство обыденности, равнодушие.

Прошлой зимой у меня дома, в Ленинграде, гостила известная румынская спортсменка Иоланда Балаш. Я подружилась с ней, встречаясь неизменно на разных международных соревнованиях, и не раз восхищалась великолепным искусством, с которым Балаш преодолевает высоту. Раз за разом Иоланда улучшает мировой рекорд. Конечно, она словно создана для прыжков в высоту, и стиль ее прыжка прекрасно учитывает все возможности современной спортивной техники. Но дело в том, что Иоланда Балаш тренирует не только свои мышцы, но и свою волю. Она считает, что особенно большое значение для победы в том виде спорта, в каком она выступает, имеет способность держать себя в руках, владеть своими нервами. А ведь для того, чтобы этого добиться, недостаточно ловко приземлиться на руки. Для того, чтобы этого добиться, нужна не только тренировка мышц, но и нервов.

Тамара Пресс (справа) и румынская спортсменка Иоланда Балаш.

Фото В. Галактионова.

Вот этим-то умением владеть своими чувствами, что является одним из непременных элементов высокой культуры, мне и нравится Иоланда Балаш. Стоит мне увидеть ее тихую улыбку, и я сразу успокаиваюсь, как бы ни была раздражена.

Какой же это важный раздел в работе тренера — умение подготовить своего ученика не только физически, но и морально! Именно это умение и превращает тренера в воспитателя. Таков мой тренер Виктор Ильич Алексеев. Когда я познакомилась с ним семь лет тому назад, когда стала заниматься с ним, то в первое время все удивлялась тому, что очень часто наши тренировки превращались в своеобразные лекции на самые неожиданные темы. Виктор Ильич знакомил нас с разными областями человеческой деятельности в науке, искусстве, труде, и рассказы его так захватывали нас, что мы подчас забывали обо всем.

И так уж повелось, что в спортивной школе Виктора Ильича для всех, кто там занимался, увлечение спортом развивалось параллельно с увлечением разными науками: педагогикой, медициной, физиологией. Совсем не случайно почти все питомцы Алексеева оказываются не только мастерами спорта, но и врачами, педагогами, учеными. И только потом, уже занимаясь в Инженерно-строительном институте, я поняла всю закономерность этого явления. Виктор Ильич расширял наш горизонт, твердо убежденный в том, что это повысит наши спортивные успехи, что без высокой культуры человеку невозможно добиться высоких результатов в спорте. А нам в конце концов этих высоких результатов оказы-

Рисунок Е. Ведерникова.

Ярослав ГАШЕК

Рекламная сцена

По одной из оживленнейших улиц американского города, название которого не имеет значения, шли вечером навстречу друг другу два человека приятной наружности, с чисто выбритыми лицами.

Когда они почти столкнулись, господин в сером цилиндре спросил господина в мягкой шляпе:

— Простите, сэр, не имел ли я чести когда-нибудь встречаться с вами?

— Ни в коем случае, сэр, я вас не знаю,— ответил господин в мягкой шляпе.

— Это поразительно! — громко, чтобы было слышно прохожим, воскликнул первый.— Итак, вы утверждаете, что меня никогда не видели?

— Никогда,— удивленно повторил второй.

— Тогда разрешите спросить,— продолжал господин в сером цилиндре,— почему вы так внимательно разглядывали меня издали?

Во время этого разговора вокруг них начали собираться зрители.

— Эти господа — свидетели, что я на вас не смотрел,— сказал второй.

— Нет, смотрели, сэр! — весьма громогласно ответил первый.— Если вы джентльмен, вы должны ответить, почему вы это делали.

— Я вас не знаю, считаю ваш вопрос совершенно неуместным и...

— Продолжайте, пожалуйста, что «и»?..— сказал первый господин.— Что вы этим «и» хотели сказать?

— Я не собираюсь отвечать,— спокойно проговорил второй и, обращаясь к окружающим, которые с возрастающим интересом прислушивались к этому необычному спору, добавил: — Господа могут подтвердить, что я не сказал ничего дурного.

— Так, значит, думали нечто дурное, не так ли, господа? — спросил возбужденно первый.

— Я отказываюсь отвечать и на этот вопрос,— сказал второй господин,— так как...

— Что «так как»? — прервал его господин в сером цилиндре.— Вы хотели, по-видимому, сказать: «Так как не собираюсь дальше пачкаться об вас!»

— Я этого не говорил,— возразил господин в мягкой шляпе,— потому что...

— Что вы разумеете под этим «потому что»?

— Абсолютно ничего, сэр!

— Но вы сделали на этом слове какое-то особое ударение, сэр!

— Не думаю.

— Ну, так не обременяйте меня своим присутствием,— раздраженно проворчал первый.

— Я могу стоять, где мне угодно, хотя...

— Словом «хотя» вы хотели оскорбить меня, сэр! — прорычал господин в сером цилиндре.

Количество присутствующих между тем возросло.

— Вас? И оскорбить?! — спокойно ответил второй господин.— Едва ли это возможно!

— Что вы хотели сказать этой фразой?

— Ничего, кроме...

— Что вы разумеете под словом «кроме»?

— Под словом «кроме»,— ответил второй спокойно,— я разумею, что вы, сэр, осел.

— Дайте ему! — посоветовал кто-то из зрителей.— Пристрелите его!

Господин в сером цилиндре поставил свой цилиндр на землю и начал засучивать рукава.

На русском языке публикуется впервые.

вается мало, мы хотим испытывать радость творческих открытий и побед не только на стадионе.

Вот черта настоящего тренера: он считает своих учеников соавторами, а не слепыми исполнителями его воли, его расчетов. Все мы, ученики Алексеева, тренируясь у него, готовясь к спортивной борьбе, знаем, к чему стремимся, чего нам надо добиться для того, чтобы победить. Алексеев в каждом своем ученике видит будущего тренера. Такой взгляд — один из главных его педагогических принципов. Как же это воспитывает характер, как закаляет волю, как приучает к самостоятельному мышлению!

Не раз приходилось мне с горечью видеть, как безвозвратно погибает огромный практический опыт, накопленный за годы тренировок тем или другим известным спортсменом. Пока такой спортсмен выступает, он использует этот опыт, его имя гремит, его победами восхищаются. Но вот наступает неизбежный час, и большой мастер прощается со спортивной ареной. Казалось бы, что теперь пришло время передать свой опыт, свои знания молодежи. Однако очень скоро выясняется, что сделать этого он не может, попросту не умеет. Проходит год за годом, а учеников у былой знаменитости нет как нет.

Почему же многие известные спортсмены оказываются в таком печальном положении? Да потому, что они с самого начала не привыкли мыслить самостоятельно, анализировать, подходить к своей тренировке как к творчеству. В свое время такой спортсмен был лишь бездумной игрушкой в руках своего тренера, слепо выполнял его указания и вот так и не научился быть педагогом, работать с людьми.

К сожалению, это так, и главная вина здесь ложится, конечно, не на спортсменов, а на тренеров. Не может в наше время тренер не быть умным, тонким воспитателем, не может он заниматься лишь развитием физической силы у своих учеников, отбрасывая в сторону общее развитие.

Полнейший контакт спортсмена и тренера, умение понимать друг друга не только с полуслова, но и с полужеста могут возникнуть лишь тогда, когда спортсмен умеет и без помощи тренера, самостоятельно анализировать свои действия. Чтобы пояснить эту мысль, мне хочется рассказать об одном эпизоде из своей собственной жизни.

Случилось это на чемпионате Европы 1958 года, в Стокгольме. В то время я, молодая спортсменка, добилась первой своей победы на первенстве СССР и стала чемпионкой страны в толкании ядра. Но увлекалась я также и метанием диска и решила показать в Стокгольме свой лучший результат. Наступил день соревнований. Настроение боевое. Иду на разминочное поле, а там уже все участницы. Смотрю и вижу, что их разминка больше похожа на соревнование: почти все они метают диск в полную силу за пятьдесят метров. Хотят, наверное, друг друга запугать. Я подумала и решила, что если пойду по этому пути, то бессмысленно растрачу всю свою энергию. И вот вместе с Виктором Ильичом я перешла на другое поле, где сделала несколько легких бросков, размялась, как обычно.

Первой вошла в круг немецкая спортсменка Дорис Мюллер. На запасном поле ее диск легко залетал за пятьдесят метров, а тут дальше сорока пяти метров не падал. Такая же метаморфоза произошла и со многими другими. После первой попытки я оказалась на втором месте. Впереди лишь чешская спортсменка Мертова. Смотрю на трибуну, где сидит Виктор Ильич. Это очень далеко, но я его вижу хорошо. Виктор Ильич показывает мне жестом, что моя рука во время броска слишком опущена. «Подними ее чуть выше»,— показывает он. При следующей попытке учитываю его замечание и добиваюсь лучшего результата, а он мне уже на другую неточность показывает... На шестой, последней попытке я добилась победы.

Так получила я свою первую золотую медаль. Но разве это была только моя медаль? Нет, я считала, что могу претендовать лишь на половинку, а другая должна быть вручена Виктору Ильичу. Ведь он не только подготовил меня к борьбе, но и сам принял в ней участие, хоть и сидел на трибуне. Вот что значит полный контакт между учителем и ученицей.

Мое выступление на чемпионате Европы в толкании ядра оказалось не столь удачным: я была лишь третьей,—но в последующие годы именно в ядре удалось добиться наибольших успехов. В 1959 году я установила мировой рекорд в толкании ядра и до Олимпийских игр так никому ни разу и не проиграла. Вот почему многие зарубежные обозреватели в своих предолимпийских прогнозах легко отдавали мне пальму первенства.

— За это вы ответите, сэр! — крикнул он.

— А ну, подойдите! — произнес второй.— Повторяю еще раз, что вы осел.

— О'кэй! — воскликнул первый.— За это я вам выбью зубы!..

— Попробуйте,— ответил второй.

— Что ж, попробую,— угрожающе произнес первый и стукнул господина в мягкой шляпе по зубам с такой силой, что тот упал на землю.

Наступила сумятица. Все бросились на зачинщика, чтобы как следует наказать его. Но в это время потерпевший господин поднялся, встал против своего противника, которого присутствующие уже собирались линчевать, и совершенно спокойно сказал:

— Леди и джентльмены, посмотрите на мои зубы: не пострадал ни один из них,— и показал окружающим на свою челюсть, в которой сверкали прекрасные белые зубы.

— Джентльмены, смотрите и помните! Мои зубы искусственные. Фирма Мартенс и $К^0$ производит несокрушимые искусственные зубы — наилучшую замену настоящим!

После этого первый господин взял второго под руку, и оба они прокричали:

— Рекомендуем вам искусственные зубы фирмы Мартенс и $К^0$!

Затем оба, закурив сигары, спокойно отошли.

* * *

До сего дня были эти двое служащих фирмы Мартенс и $К^0$ хорошими приятелями. Но после этой сцены между ними пробежала черная кошка.

— Вильям,— сказал второй, когда они после выступления пошли подкрепиться в ресторан,— вот твои три доллара.

— Мне полагается получить еще два, Джон,— возразил Вильям.— Ведь господа Мартенс и $К^0$ платят нам по пять долларов в день.

— Правильно, — ответил Джон.— Но ты со вчерашнего дня должен мне два доллара.

— Ничего такого не знаю!

— Вильям,— сказал Джон беспокойно,— разве ты не помнишь, что занял их у меня вчера до того, как упился?

— Я не упивался,— защищался Вильям.— Это ты был пьяный.

— Хорошо,— ответил Джон.— Ты был трезв и не занимал этих двух долларов, ты просто взял их у меня.

— Хорошо, но я взял только свои, Джон, потому что позавчера ты у меня вынул из кармана мундштук для сигарет стоимостью в два доллара.

— Мистер Вильям, вы лжец!

— Мистер Джон, вы вор!

— Пьяница!

— Черномазый!

В зале ресторана раздался своеобразный звук, о происхождении которого можно было догадаться из слов мистера Вильяма:

— Мистер Джон, за эту пощечину мы еще рассчитаемся.— И служащие фирмы Мартенс и $К^0$ разошлись во гневе...

— Джентльмены! — сказал мистер Мартенс на другой день, когда бывшие друзья явились в канцелярию фирмы.— Наш компаньон мистер Уоттер был весьма доволен, можно даже сказать, восхищен тем, как великолепно вы сыграли вчера вечером на Четвертой улице рекламную сцену. Вы провели ее совершенно естественно, за что выражаю вам свою признательность — как вам, мистер Джон, так и вам, мистер Вильям. Сегодня вы сыграете нашу рекламную сцену на Шестой улице в семь часов вечера. Проведите ее как можно естественнее. Я уже говорил с начальником полиции, и он мне обещал, что не будет чинить вам никаких препятствий, так как не видит в этом ничего противозаконного...

Мистер Вильям заверил:

— Будьте уверены, мистер Мартенс, что нашу рекламную сцену мы сыграем самым естественным образом...

Итак, в семь часов вечера по Шестой улице шли навстречу друг другу мистер Вильям в сером цилиндре и мистер Джон в мягкой шляпе.

Мистер Уоттер, компаньон мистера Мартенса, был восхищен сегодня еще более, чем вчера, так как голос мистера Вильяма был окрашен подлинным гневом.

Сцена протекала вполне естественно.

— Вы хотели, по-видимому, сказать «Не собираюсь дальше пачкаться об вас»? — говорил мистер Вильям мистеру Джону, подхватывая уже известную нам фразу: «Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, так как...»

— Я этого не говорил,— произнес мистер Джон,— потому что...

— Что вы разумеете под этим «потому что»?

— Абсолютно ничего, сэр!

— Но вы сделали на этом слове какое-то особое ударение, сэр.

— Не думаю.

— Ну, так не обременяйте меня своим присутствием.

— Я могу стоять, где мне угодно, хотя...

— Словом «хотя» вы хотели оскорбить меня, сэр.

— Вас? И оскорбить? Едва ли это возможно.

— Что вы хотели сказать этой фразой?

— Ничего, кроме...

— Что вы разумеете под словом «кроме»?

— Великолепно! — воскликнул мистер Уоттер, компаньон мистера Мартенса, находившийся в толпе.

— Под словом «кроме» я разумею, что вы, сэр, осел!

— Потрясающе! — восхищался мистер Уоттер, так как мистер Вильям с еще более угрожающим видом, чем вчера, начал засучивать рукава.

— За это вы ответите, сэр,— говорил мистер Вильям мистеру Джону.

— А ну, подойдите! — отвечал мистер Джон.— Повторяю еще раз, что вы осел!

— О'кэй! — воскликнул мистер Вильям, бросился на мистера Джона, повалил его на землю и начал молотить, приговаривая: — Это тебе за вчерашнюю пощечину, вор!

— На помощь! — закричал мистер Уоттер в ухо полицейскому, который спокойно наблюдал за этой сценой.— Вмешайтесь, пожалуйста...

— Это же разрешенная рекламная сцена,— возразил полицейский с улыбкой.— Господа играют необыкновенно естественно.

* * *

На другой день в газетах появилось следующее сообщение:

«*Нижеподписавшийся начальник полиции запрещает проведение рекламных сцен, поскольку при подобной рекламной сцене мистер Джон, служащий фирмы Мартенс и $К^0$, получил, согласно медицинскому заключению, серьезные увечья от мистера Вильяма, служащего той же фирмы, причем у мистера Джона была полностью разбита его искусственная челюсть*».

Перевод с чешского
С. ВОСТОКОВОЙ

Как потом выяснилось, большинство прогнозов, которые были сделаны накануне XVII Олимпийских игр, не осуществилось, но тот, который касался меня, был точным, хотя недостатка в серьезных соперницах я не испытывала. Первой из них считалась Эрлин Браун — американка, обладающая огромным весом, большой силой и исключительной подвижностью. Несмотря на свои 125 килограммов, Браун преподавала африканские танцы. Второй соперницей я считала Валерию Слоупер — спортсменку из Новой Зеландии. При весе в 95 килограммов она очень быстро бегает и с места толкает ядро за 16 метров. Каждая из них вполне могла толкнуть ядро за семнадцать метров, а ведь на золотую медаль претендовала еще и немецкая спортсменка Иоганна Лютгге.

После первой попытки я оказалась на четвертом месте. И тогда, здраво взвесив создавшуюся обстановку, решила нанести своим соперницам психологический удар. Мне надо так толкнуть ядро на второй попытке, чтобы всех выбить из колеи, нарушить их душевное равновесие,— вот что я решила.

Конечно, если бы я видела в моих соперницах лишь метательные машины огромной мощности, то не пыталась бы применить психологическую атаку, но, как известно, я придерживаюсь иных взглядов на спорт. И вот мне удалось собрать все силы, толкнуть ядро на 17 метров 32 сантиметра, после чего все мои соперницы настолько растерялись, что повели борьбу лишь за серебряную и бронзовую медали.

Такова психологическая подоплека моей олимпийской победы. Но соревнования в Риме для меня на этом не закончились. Они не окончились даже после того, когда в метании диска я заняла второе место, уступив золотую медаль своей подруге по команде Нине Пономаревой. Несмотря на большую физическую усталость, именно здесь, в Риме, я решила побить мировой рекорд в метании диска, установленный Ниной Думбадзе еще в 1952 году.

Несколько раз пыталась я осуществить свою мечту еще перед отъездом в Рим, и два раза мне удавалось метнуть диск за флажок рекорда. Но по тем или другим причинам судьи не утвердили моих бросков.

Казалось бы, что снова пытаться идти в атаку в Риме бессмысленно, но я учитывала не только запас своих физических сил, но и то огромное воодушевление, которое мною владело после победы. Я понимала, что душевный подъем может оказаться во много раз сильнее физической усталости. И не ошиблась. На соревнованиях, организованных газетой «Унита», мне удалось метнуть диск на 57 метров 15 сантиметров...

С тех пор я еще не раз устанавливала мировые рекорды и в диске и в ядре, но такого удовлетворения, как тогда в Риме, никогда не испытывала.

Да, теперь многим спортсменам мало просто победить. Для них спорт — это одна из областей творческой жизни. Таковы и штангист Юрий Власов, и моя сестра Ирина, олимпийская чемпионка в барьерном беге, и прыгун в высоту Валерий Брумель...

Таковы они — мои друзья.

Юрий Власов у своего письменного стола.

Валерий Брумель на занятиях институтской лаборатории.

Бенарес. Набережная Ганга.

Она арендовала сроком на десять лет отдаленный горный лагерь Клитор в штате Аризона. Члены группы верят, что там им удастся спастись от катастрофы, которую вызовет сближение планет. Предстоящую катастрофу они характеризуют, как «ад в природе». Штормы, землетрясения, приливные волны и другие природные явления разразятся на земле — так утверждают члены «Корпорации взаимопонимания». Кроме того, возможна мировая война».

Вскоре поступило аналогичное сообщение из Лондона: в Англии такую же точно инициативу проявили члены Общества эфира, основанного в 1954 году неким Джорджем Кингом, который объявил, что он услышал с Венеры голос представителя Межпланетного парламента, и на этом основании потребовал, чтобы ООН признала его в качестве полномочного представителя Венеры на Земле. Его требование было отклонено, но Общество Кинга развило шумную деятельность, и вот теперь вольные сыны эфира, оставив по случаю светопреставления бренные дела, отправились в горы Шотландии, чтобы оттуда бросить вызов судьбе, творя молитвы на засыпанной снегом вершине высотой 2 633 метра над уровнем моря.

РАССКАЗ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

В конце января одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года беспокойная судьба снова занесла меня в Индию. Город Дели жил своей обычной жизнью. Сотни каменщиков, стоя на бамбуковых подмостках, аккуратно выкладывали стены новых величественных зданий для правительственных учреждений. По асфальтовым мостовым катили на велосипедах горожане. Все шире раскидывали свои зеленые шатры могучие тропические деревья, украшающие город. В старом районе Дели попрежнему бойко торговал восточный базар, тонко пели дудочки укротителей змей, а в новой части города студенты, лежа на траве, читали книги о ядерной физике; по улицам водили слонов с раскрашенными головами, тренируя их к параду по случаю Дня Республики; в министерстве культуры и научных исследований разрабатывались планы обмена учеными с Советским Союзом; известный художник и общественный деятель Шанкар с гордостью показывал мне строительство Дворца детской книги...

Новое не только соседствовало со старым, но и теснило его, и забытый на своем пьедестале каменный британский король Георг Пятый, прозванный бойкими шоферами «Жорой-автоматчиком» за то, что он держит свой скипетр косо, словно автомат на изготовку, грустно взирал на все это.

В Индии была в разгаре избирательная кампания, и всюду шла война агитаторов и плакатов: одни призывали голосовать за кандидатов партии Национальный Конгресс; другие — за коммунистов; третьи — за ставленников недавно созданной крайне правой партии «Сватантра», по спискам которой баллотировались, к примеру, махараджа из Майсора и его жена, вдруг заскучавшая по политической карьере; четвертые уговаривали голосовать за социалистов. Плакатов было много.

И вот в один из дней я заметил, что люди начали проявлять повышенный интерес к тем разделам газет, в которых печатаются предсказания астрологов и справочные данные о том, что рекомендуют и чего не рекомендуют вам делать звезды в тот или иной день недели. Сначала это показалось мне случайным, но потом я понял, что происходит что-то необычное: разделы астрологии стали вдруг пухнуть и выплескиваться с газетных задворок, где они обычно ютятся, на самые видные места. Появились какие-то новые таблицы, схемы расположения небесных светил. В то же время стало бросаться в глаза, что на улицах начали вырастать, как грибы, шатры, где собирались для молений верующие люди. Там горели священные огни, курился фимиам, звенели цимбалы, люди читали нараспев и пели молитвы.

Я сунул нос в писания астрологов и обнаружил, что они на сей раз обещают действительно нечто экстраординарное: в период с третьего по пятое февраля было назначено светопреставление. Мир должен был погибнуть — ни больше и ни меньше,— ибо впервые за 2 841 год Солнце, Земля, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн вступали во взаимодействие, и это явление определялось звучным словосочетанием «Аста-граха-кута», живо воскресившим в моей памяти детскую считалочку. Взаимодействие этих восьми небесных тел должно было произойти по случаю одновременного вступления Луны, Солнца, Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна в созвездие хитрого и коварного Козерога. И тогда... тогда на смертное человечество должны были обрушиться все земные и небесные стихии, а за ними — конец света, предопределенный священным писанием.

Одно из первых сообщений на эту тему, как и следовало ожидать, поступило из наиболее авторитетного источника по части светопреставления — из Соединенных Штатов Америки. Тринадцатого января газета «Трибюн» опубликовала такое деловое известие: «Группа американцев, ссылаясь на то, что четвертого февраля семь планет сойдутся в созвездии Козерога, предсказывает, что в первых числах следующего месяца произойдет страшная катастрофа. Эта группа, в которую входят двадцать два человека, называется «Understanding Inc» («Корпорация взаимопонимания»).

Эти сообщения произвели эффект спички, брошенной в сухую солому, тем более, что чья-то умелая рука неутомимо направляла действия охотников за газетными сенсациями; злые языки утверждали, что кто-то стремится отвлечь внимание широкой публики от избирательной кампании и от политики вообще. Кому, к черту, нужна политика, когда небо валится на землю и наступает конец всему? Тут выход может быть только один: молись за спасение души и забудь обо всем на свете! Нашлись и щедрые люди, обеспечившие финансирование молений. В Дели, например, за это дело взялся миллионер Рам Кришна Далмиа. Газеты напечатали его авторитетное заявление, что массовые молитвы могут помочь смягчить дурное влияние планет, хотя он и убежден, что в ближайшие шесть месяцев начнутся страшные беды.

Каждый день публиковались какие-нибудь эффектные горяченькие известия; планеты еще не добрались до рокового созвездия Козерога, а на земле уже начинались какие-то подозрительные события: там ветер подул, здесь затряслись горы, в третьем месте разыгрался шторм. За все это, конечно, было в ответе Аста-граха-кута — взаимодействие планет! И жирные заголовки подтверждали: «Зловещее действие Аста-граха-кута!», «Вселенной угрожает катастрофа между 3 и 5 февраля!»,

«Люди молитвами ограждают свою судьбу!»

Прорицатели, гадальщики, проповедники не теряли времени. У древних ворот старого Дели, на берегу прославленной реки Джамна, был разбит огромный шатер, под сенью которого свыше трехсот прорицателей начали трехнедельные ритуальные церемонии. Такие же шатры были разбиты и в других местах. По базарам ходили люди, призывавшие закрывать лавки и приступать, не мешкая, к молитвам. Рабочим и служащим рекомендовалось не ходить на работу, чтобы не разгневать богов, а детей не отпускать в школу: пусть молятся вместе с родителями. Все деловые поездки надо было отменить: суровые пророки разрешали только паломничество в священные города. И уж, во всяком случае, не стоило посещать предвыборные митинги: за это верующих могла постигнуть суровая кара. Если же кто-либо и доживет до выборов, он сам догадается, что надо голосовать за кандидатов «Сватантры».

Дело приобретало уже не шуточный оборот: сократилась покупка билетов на поезда и самолеты, лавки закрывались, сократидет конец света, — какая уж тут женитьба? Другие газеты писали, что в Калькутте второго февраля замедлились операции на бирже: многие бизнесмены и даже клерки были заняты на молениях.

В этот день премьер-министр Неру, разъезжавший по стране в связи с избирательной кампанией, счел необходимым вмешаться в столь странные события, которые вначале могли показаться несерьезными. Выступая на митинге в Канпуре, он в присущей ему прямой и откровенной манере сказал, обращаясь к своим слушателям: «Многие люди сейчас ужасно напуганы, потому что думают, будто завтра или послезавтра произойдет что-то страшное. Я не знаю, боитесь ли вы так же, как эти люди. Но ведь ждать осталось недолго, и скоро мы увидим, произойдет ли что-то в Индии и во всем мире или не произойдет. Я считаю, что небесных явлений бояться не надо. Даже дети знают, например, что бывают затмения Солнца и Луны. И все-таки, когда наступает затмение, многие люди совершают омовение в Ганге, чтобы помочь солнцу защититься от будто бы поедающего его злого бога. Над этим можно, тах, все лавки закрыты с третьего по пятое февраля. Назначено безостановочное семидесятидвухчасовое моление... В Дели царит нервное напряжение, зажжены сотни священных огней как в старом, так и в новом городе, все храмы набиты битком, на базаре отмечено резкое сокращение покупок, оптовая продажа овощей прекращена на три дня. В Дарджилинге люди бросили работу на чайных плантациях, даже чиновники отказываются работать с третьего по пятое февраля, люди, страшась землетрясения, спят под открытым небом, хотя земля покрыта снегом. В Мадрасе тысячи рыбаков все бросили и ушли в горы, опасаясь появления гигантской приливной волны, во всех храмах организовано круглосуточное чтение священных книг...»

Над Калькуттой в синем небе сияло яркое солнце. Улицы были заполнены по-южному пестрой толпой. Мы быстро убедились, что сообщения «Хиндустан стандард» явно страдали преувеличением. На широкой зеленой площади Майдан я не увидел никаких палаток, и всем чертям назло там проходил массовый предвыборный митинг коммунистов. В саду губернаторского дворца происходили спортивные соревнования школьниц. Мы побывали в знаменитом статистическом институте Махаланобиса. Этот маститый индийский ученый, один из выдающихся теоретиков и практиков народного хозяйства, показал нам, как работают его ученики и соратники, посвятившие себя подъему экономики своей страны. В доме Рабиндраната Тагора нас тепло приняли организаторы и руководители школы классической музыки, пения, танца и драмы, созданной по завету этого великого деятеля Индии. На всех этажах звучали молодые голоса учащихся, шла напряженная, повседневная учеба.

И все-таки кое-кто поддавался искусно организованной кампании запугивания зловещим «взаимодействием планет». Мы убедились в этом, посетив затерянный в лабиринте тесных улочек старой части города храм секты джайнов (члены этой смиреннейшей секты, между прочим, свято хранят обет не обижать никого и ничего живого, они не вправе убить даже комара, и наиболее фанатичные последователи этой веры носят на лице марлевую по-

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИИ

Глава из книги «Вокруг света»

лось уличное движение, некоторые начали бояться ездить даже на велосипедах. В ожидании землетрясения кое-кто покинул дома и стал ночевать в палатках на пустырях, что было не очень весело: в Дели стояла необычно холодная погода, и под утро температура падала до нуля. Прорицатели и это необычное состояние погоды относили за счет дурного влияния планет, и нервозность среди легковерных людей усиливалась...

Тщетно публиковались авторитетные разъяснения британских ученых, что сближение планет в созвездии Козерога — лишь кажущийся феномен, в действительности же они по-прежнему движутся по своим извечным орбитам на огромном расстоянии друг от друга. Тщетно американский астроном Джеймс Пикеринг возглашал: «Это нелепость!» Тщетно совестливый индийский астролог Рам Сваруп Шарма из Амбалы опровергал версию о конце света, а астролог Цай Пай-ли заявил даже, что 1962 год будет счастливым, ибо это год тигра. Их голоса тонули в хоре тревожных газетных сообщений и предсказаний мрачно настроенных пророков.

Уже тысячи людей бросили работу и собрались на многодневные моления у священных огней, которым приносились в жертву цветы и рис. Кое-кто отменил свадьбы и помолвки. Газеты, как о большой сенсации, сообщили о решении махараджи Сиккима отложить свое венчание с американкой Хон Кук до 1963 года: останется жив — женится, а если буконечно, посмеяться, но многие люди все же в это верят. Не знаю, как вы, а я в эти дни буду продолжать выполнять свою работу...»

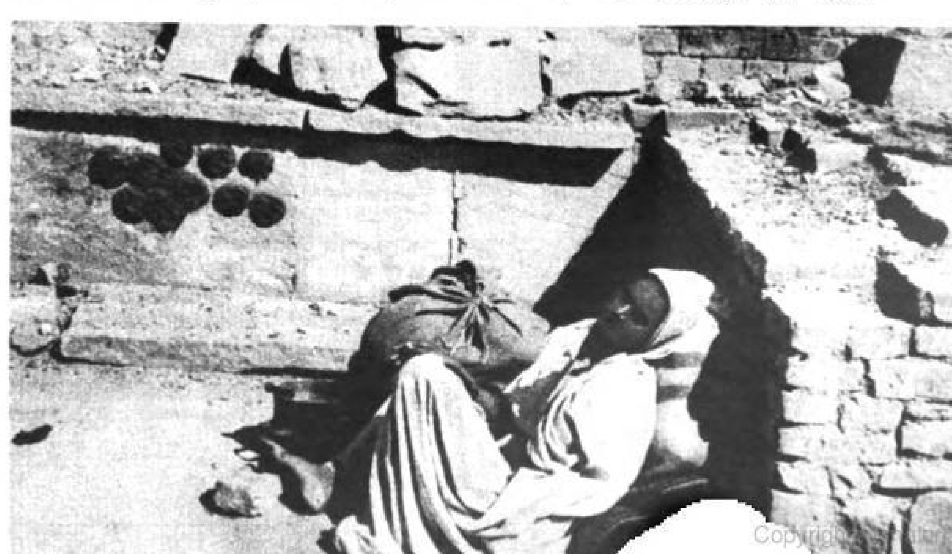
Эта речь успокоила и ободрила слушателей Неру, но многие люди продолжали трястись от страха, тем более что реакционные газеты продолжали подливать масла в огонь. В тот самый день, когда премьер-министр выступил с этой успокоительной речью, телеграфные агентства передали очередные подогретые сенсации: «Сегодня в 5 980 километрах от Калькутты зарегистрировано легкое землетрясение!», «Сегодня над Объединенной Арабской Республикой пронесся ветер со скоростью 55—60 километров в час, и песчаная буря затмила небо!», «Сегодня арабские астрологи предсказали катастрофы в Индии, СССР, Португалии, Сирии, Греции, Эфиопии и Иране!»

Третьего февраля мы прилетели по делам в Калькутту. Сойдя с самолета, я купил в киоске аэропорта газету «Хиндустан стандард», развернул ее и прочел: «Паника начинает граничить с истерикой! Поезда уходят полупустыми. Авиационные перевозки в аэропорту Дум-Дум сократились на пятнадцать процентов. Автобусы и трамваи практически пусты. Нам непрерывно звонят в редакцию и спрашивают: «Не началась ли катастрофа?» Богатые люди арендуют палатки на площади Майдан в ожидании землетрясения... В городе Музаффарпур беспрецедентная паника: люди ставят палатки на открытых мес-

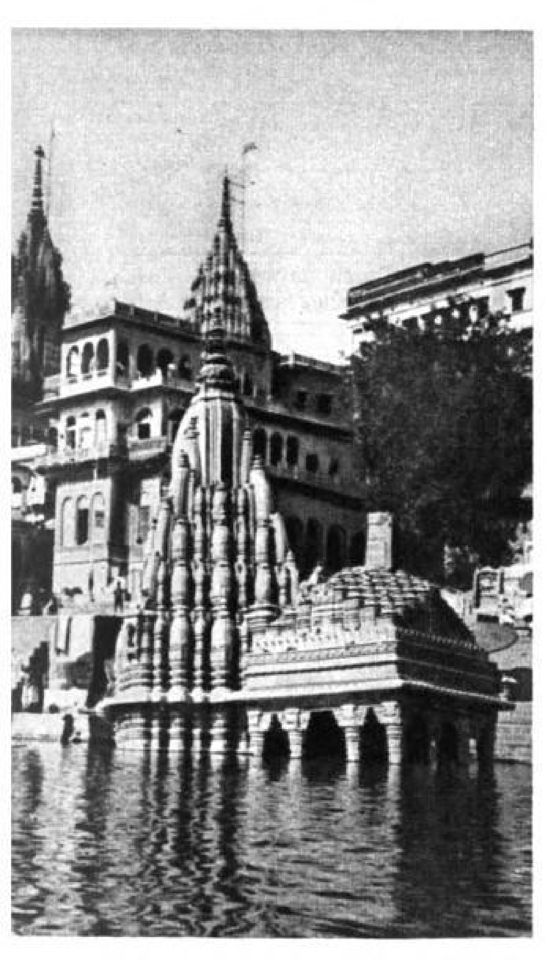
К священному городу без конца тянулись на повозках, в колясках рикш, на верблюдах, пешком усталые, обессилевшие люди.

Больные паломники лежали на тысячелетних каменных ступенях — не хватило сил добраться до реки,— но им было уже все равно, им посчастливится умереть в Бенаресе — значит, они попадут на небо.

На старинной стене над Гангом я увидел начертанную огромными буквами рекламу мыла «502», изготовляемого концерном Тата.

Много лет назад этот древний храм Бенареса сполз во время наводнения в воды Ганга да так и остался здесь навсегда.

Прорицатель в трансе. Фото из журнала «Сфир».

вязку, чтобы — упаси бог! — не проглотить случайно какую-нибудь мошку).

Красивый, разукрашенный тончайшей мозаикой и окруженный многими статуями храм стоял в небольшом красивом саду. В зеленой воде пруда люди совершали омовение. Из храма доносился звон цимбал, слышалось мелодичное пение. Сняв обувь, мы поднялись к храму по мраморным ступеням и увидели густую толпу женщин, мужчин и детей. Сидя на каменном полу вокруг священнослужителей, читавших по очереди молитвы, они ритмично покачивались в такт музыке и подпевали им. Их лица были худы, глаза воспалены, губы запеклись: видимо, они молились не первый час, а быть может, и не первый день.

Проезжая по городу, мы видели там и сям огромные полосатые шатры, превращенные в импровизированные храмы. Отовсюду слышался звон литавр, звучали песнопения, в воздухе плавал дым благовонных курений, в священных кострах с треском сгорали зерна риса. Священнослужители в гирляндах, сплетенных из цветов, неутомимо вели ритуальные церемонии. Высокий, худой старик, о котором говорили, что ему уже исполнилось сто пятьдесят лет, кропил огонь каплями своей крови из надрезанной руки (нам сказали, что он делает это ежедневно, стремясь умилостивить гневную богиню Кали)...

Страх перед приблизившимся вплотную светопреставлением тем временем охватывал одну страну за другой; буржуазные телеграфные агентства, разносившие по всей земле с быстротой молнии свои сенсации, делали свое дело. Вечерние газеты сообщили, что третьего февраля массовые моления о спасении душ охватили Непал, Цейлон, Сингапур, Малайю, Новую Гвинею. В Бангкоке предприимчивые коммерсанты начали бойкую торговлю «камнями из космоса», которые якобы способны спасти того, кто их приобретет, от дурного влияния сочетания восьми планет. Индонезийское радио непрерывно передавало призывы не верить астрологам, предсказывающим конец света. Из Бразилии пришло сообщение, что там на берегу Амазонки еще с лета обосновались 20 американцев, заблаговременно пронюхавших о грядущем конце света, — они считали почему-то, что именно там удастся спастись от гибели. Одним словом, хорошо смазанная и пригнанная машина по производству сенсаций работала на полный ход...

Премьер-министр Неру в этот день счел нужным снова обратиться к народу со словами успокоения. Выступая с речью в Тарвене, близ Аллахабада, он сказал третьего февраля: «Говорили, что сегодня что-то должно было случиться. Но пока что, как вы видите, ничего не происходит. Я думаю так: чему быть, того не миновать. Не надо бояться. Вы не должны бросать работу и сидеть дома из страха, пока пройдет сочетание планет. Смотрите на меня — я продолжаю свою работу, и ничто на меня не влияет. Поступайте и вы так же!»

Критический момент, обещанный магами, наступил в 17 часов 35 минут третьего февраля: Луна вошла в созвездие Козерога, и теперь Аста-граха-кута было полным. Напряжение у тех людей, которые, несмотря ни на что, продолжали верить магам, достигло наивысшей точки: они ждали гибели мира с минуты на минуту. Утром на следующий день я прочел в воскресном выпуске газеты «Амрита базар патрика»: «В Дели многие удивлены, что они еще живы. Светит солнце, небо остается голубым, но люди говорят: «Подождем до вечера пятого февраля. Что-то еще произойдет...» Газеты сообщали, что в Дели моления организованы уже более чем в ста местах. Нервная обстановка была также в Раджастане, Пенджабе и других штатах. Агентство Франс Пресс, живописуя детали, сообщало: «Довольны только хозяева страховых компаний: многие люди в эти дни приобрели страховые полисы, не задумываясь о том, кому пойдут деньги, если действительно произойдет светопреставление».

Предприимчивые репортеры атаковали в этот день советского космонавта Гагарина, находившегося в Каире. Его спросили, что он думает о дурном влиянии сочетания восьми небесных тел на земные дела и не боится ли конца света. Юрий Гагарин улыбнулся, с искренним сожалением взглянул на запыхавшихся ловцов сенсаций и сказал: «Я, конечно, не верю, что понедельник пятого февраля будет гибельным днем: судьбу человечества решают не звезды, а народы. Нам с вами надо думать не о светопреставлении, а о том, как сделать всех людей счастливыми, безбедными и как сохранить мир на земле». Этот ответ был напечатан во всех индийских газетах. И все же нашлось еще немало таких людей, которые до самого конца ждали неизбежной гибели, предполагая, что планеты окажут свое пагубное воздействие на Землю в последний день сочетания — пятого февраля.

Обстоятельства сложились так, что именно в этот день мы пролетали, возвращаясь из Калькутты в Дели, через знаменитый священный город Бенарес, где ежегодно справляется четыреста религиозных праздников и фестивалей. Как же можно было упустить возможность познакомиться с этим поразительным городом, о котором так много написано и рассказано, да еще в такой момент! И мы решили остановиться в Бенаресе хотя бы на несколько часов.

Надо сказать, что в эти дни Бенарес, покровительствуемый грозным и справедливым богом Шивой, словно магнит, притягивал к себе со всех концов Индии богомольных людей. Многие наивно верили, что этот город, где хранится ставшая гербом Индии знаменитая капитель колонны с тремя львами времен царя Ашоки, город, где, по преданию, начинал свои проповеди Будда и где находятся самые почитаемые хиндуистские храмы, неуязвим для каких бы то ни было потрясений. Священники говорили, что за три тысячи лет своего существования Бенарес ни разу не подвергался землетрясениям: его всегда хранили боги — и что человеку, которому посчастливится умереть в Бенаресе и быть сожженным на берегу великой святой реки Ганга, гарантировано место в раю. Вот почему в эти дни сюда устремились десятки тысяч паломников всех верований: и буддистов, и хиндуистов, и джайнов, и даже христиан — предусмотрительные английские колонизаторы не преминули в годы своего господства построить здесь и свой грандиозный храм; правда, он пришел в упадок с тех пор, как индийское правительство отказалось его субсидировать.

Дорога от аэродрома к Бенаресу пролегала по неописуемо красивой местности: зеленели поля, высились статные пальмы. Но сама дорога оставляла горестное впечатление: к священному городу без конца тянулись то на повозках, то в колясках рикш, то на верблюдах, то пешком усталые, обессилевшие люди. У железнодорожного переезда наш автомобиль поравнялся с высокой арбой, на которой сидели пятеро грустных женщин и стариков. Сзади был заботливо приторочен какой-то длинный узкий сверток, запеленатый в ткани. «Везут хоронить, — лаконично сказал мне шофер. — Сейчас многих жгут там. Больше, чем обычно. Говорят, из-за сочетания звезд мрут люди».

Не доезжая до города, мы свернули к грандиозному буддийскому храму Сарнат, который стоит на том самом месте, где, по преданию, 2 500 лет назад Будда встретился с пятью ранее покинувшими его учениками и впервые начал широко проповедовать свое учение. Вокруг возвышающейся среди археологических раскопок древней гигантской ступы, воздвигнутой около 500 года нашей эры, бродили, бормоча слова молитвы и позванивая колокольчиками, последователи Будды. Храм также был полон молящихся. Песнопения верующих доносились и из расположенного неподалеку большого храма джайнов.

Но то, что довелось нам увидеть полчаса спустя в самом Бенаресе, превзошло всякие ожидания, и, чтобы описать это, трудно даже найти слова. Наша машина с трудом протискивалась по узким улочкам, забитым людьми. Звенели какие-то звоночки, глухо стучали барабаны, пели цимбалы. В воздухе клубились пахучие голубоватые облака. У входов в храм толпились тысячи верующих с цветами в руках, терпеливо ожидавших своей очереди к священнослужителю, который заученным, механическим жестом брал цветы, ополаскивал их в святой воде и возвращал, как божий дар, людям.

У входов в тысячи лавчонок стояли неутомимые зазывалы, на все лады воспевавшие свой товар: предметы для ритуальных обрядов, сувениры, золототканые бенаресские ткани и вышивки, шелка, изделия из кости. Двигались какие-то религиозные процессии. Вдруг посреди улицы можно было увидеть, как темнокожий, совершенно нагой человек с белым, красным или желтым знаком своей касты на лбу совершенно немыслимым образом выворачивал руки и ноги и застывал на тротуаре, как приснившийся в кошмаре живой узел, то ли на одной ноге, то ли на одной руке, — это йог, чья непостижимая гимнастика представляет собою часть его философии и религии. Важно шествовали седовласые длиннобородые брамины в белых и красных одеяниях с ослепительно начищенными медными сосу-

дами для святой воды. Тянули руку за подаянием прокаженные. Хромые и слепые, припадочные, покрытые язвами и струпьями люди шли, ползли, бессильно лежали на тысячелетних каменных ступенях, спускавшихся с крутой горы к зеленоватой воде широкого, многоводного Ганга. Многим из них не хватало сил, чтобы добраться до реки, но им уже было все равно, они были спокойны: им посчастливится умереть в Бенаресе — значит, они попадут на небо.

Мы доехали до огромного двухэтажного моста, пересекающего Ганг,— по одному этажу идут поезда, по второму машины — и там пересели на катер, чтобы увидеть с реки величественную панораму древнего Бенареса, выстроившегося вдоль огромной излучины реки на протяжении четырех миль. На солнце сверкали высокие купола древних дворцов и индуистских храмов, перемежающиеся с тонкими, словно иглы, минаретами мечетей. Беспокойный Ганг в период разлива поднимает свои воды на несколько метров. Поэтому каменные стены древних зданий, стоящих на косогоре, строились с расчетом на максимальный уровень реки. Они возвышаются над Гангом, словно гигантские крепости. Но самое впечатляющее зрелище — это знаменитые каменные лестницы Бенареса, сбегающие с самого верха крутого берега до реки. По этим лестницам ежедневно спускаются к Гангу для совершения омовений в священной воде сотни тысяч пилигримов, и особенно много их было именно в этот день, пятого февраля, когда ожидался конец света.

Вдоль берега двигались десятки лодок. На каменных лестницах были укреплены многие сотни высоких бамбуковых шестов с разноцветными флагами. Это священнослужители, свершавшие свои обряды над водой, давали знак верующим о себе. Они сидели или стояли под огромными цветными зонтами. Толпа медленно, с паузами двигалась к воде непрерывным потоком, люди были прижаты друг к другу так, что им, видимо, трудно было дышать, и все были вместе — старые и молодые, больные, здоровые и умирающие. Когда толпа приближалась к самому краю воды, люди, одетые, входили в реку и начинали сосредоточенно свершать обряд омовения. Меня почему-то поразила удивительная деловитость многих из этих пилигримов — они доставали мыло и мылись по-настоящему, со вкусом, как в бане. Потом, умиротворенные, аккуратно расчесывали волосы, выжимали облипавшую тело одежду, и толпа продолжала свой круговорот, повернув кверху, туда, где звенела и гремела священная музыка храмов. Не знаю, было ли это случайным совпадением, но на древней стене над Гангом я увидел начертанную огромными буквами рекламу мыла «502», изготовляемого концерном Тата.

В двух местах у самой воды дымились костры, на которых жгли тех, кто уже сподобился помереть на святой земле. Меня вежливо предупредили, что это зрелище снимать не следует, но если бы сие и было дозволено, рука не поднялась бы... Дюжие хмурые служители из секты неприкасаемых, работающие кочегарами у этих костров, действовали деловито и организованно. Сначала они вымачивали туго спеленатый тканями труп в воде Ганга, потом водружали его на костер из сухих чурок, обкладывали поленьями, зажигали соломку под костром, и к небу подымался дымок. Звучала музыка, слышались заунывные песнопения, рыдания, если было кому оплакивать ушедшего в лучший мир. Потом костер угасал, и пепел высыпали все в те же священные воды Ганга, в которых совершали свои омовения единоверцы усопшего.

На нас глядела с древних каменных куполов, изъеденных дождями и ветром, старая, темная Индия, доведенная до такого состояния двухсотлетним колониальным господством англичан. Было от чего загрустить, и Бенарес навсегда остался бы в памяти вот таким, как я его сейчас описал, если бы наши догадливые индийские спутники не отвезли нас, оглушенных, ослепленных и задушенных дымом костров, сразу же с берегов Ганга в зеленые сады Бенаресского университета. Да, университета! Здесь, в этом древнейшем городе, средоточии всего старого и отсталого, на огромной территории раскинулись окруженные садами и парками современнейшие здания университета, куда съезжается молодежь со всей Индии и даже из-за границы, чтобы приобщиться к науке.

THOUSANDS FLOCK TO KURUKSHETRA

People Seek Safety From Conjunction's Effects

"The Times of India" News Service

«Тысячи идут в Курукшетру. Люди ищут защиты от последствий расположения планет».

Pour conjurer la fin du monde (prédite par les mages pour lundi) les fidèles anglais du «délégué de Vénus» prient sur les montagnes d'Ecosse et du Pays de Galles

Les Papous attendent le débarquement des troupes du... Kaiser

Заголовок «Журналь дю диманш»: «Чтобы предотвратить конец света (который наступит, по предсказанию магов, в понедельник), английские приверженцы «представителя Венеры» молятся в горах Шотландии и Уэльса».

Capital Transformed Into City Of Yagnas

PEOPLE PREOCCUPIED WITH PLANETS STILL

By A Staff Reporter

«Столица превратилась в город молений. Люди думают о движении планет».

Упрямая девятая планета — выборы.

Здесь жизнь шла своим чередом, жизнь второй половины XX века: люди учились, работали в лабораториях, обдумывали современные проблемы мироздания, и никого тут не волновало зловещее влияние какого-то сочетания восьми небесных тел. Тысячи индийских юношей и девушек, заканчивая свой рабочий день, любовались темнеющим небосводом, на котором сверкали мириады звезд, и мечтали о тех временах, когда туда, в безбрежную даль, поднимутся наконец и их соотечественники в фантастических доспехах космонавтов.

Новую Индию или, вернее, строительство новой Индии можно видеть не только в университетских корпусах Бенареса, но и повсюду: и на стройках крупных государственных заводов, и в научных лабораториях, и у атомных реакторов, и на образцовых государственных сельскохозяйственных фермах.

За последние десять лет правительство Неру, несмотря на саботаж крайне правых элементов, провело ряд крупных мероприятий по ликвидации феодальной отсталости страны. В результате осуществления двух пятилетних планов в Индии уже построено три крупных металлургических завода, в том числе Бхилайский металлургический комбинат, сооруженный с помощью Советского Союза; крупный локомотивостроительный завод в Читтаранджане, станкостроительный и авиационный заводы в Бангалоре, химический комбинат в Синдри, три комплексных гидроузла: Бхакра-Нангальский, Хиракудский и Дамодарский; сейчас с помощью Советского Союза в Индии строится завод тяжелого машиностроения в Ранчи, крупная электростанция в Нейвели, разрабатываются месторождения нефти.

Во время трех поездок в Индию мне довелось побывать на большинстве этих новостроек, и я должен сказать, что они действительно являются хорошим фундаментом строительства новой Индии и избавления ее от последствий колониального господства англичан...

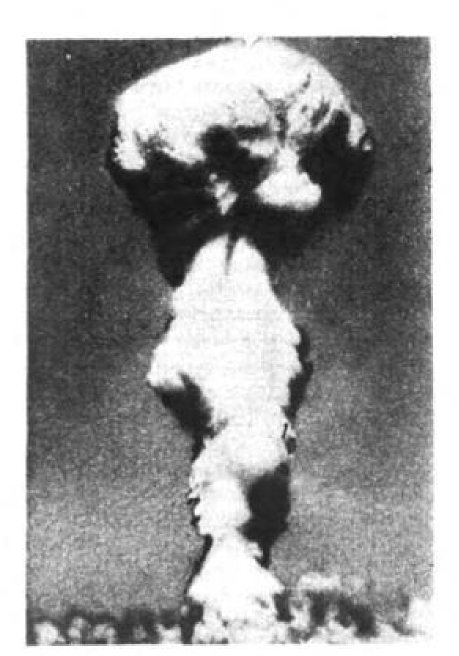
...Вот так и закончилась история несостоявшегося светопреставления. Закончилась большим позором для ее организаторов. А эпилог ее я прочел уже в Москве: телеграфные агентства сообщили, что вопреки всем ухищрениям тех, кто пытался запугать и сбить с толку избирателей, выборы прошли успешно для прогрессивных сил Индии. Партии реакции потерпели разгром, а сам основатель крайне правой партии «Сватантра» Раджагопалачария был вынужден печально заявить:

— Я признаю: это — полное поражение...

Земля сообщает: —ВЗРЫВ!

А. ГОЛИКОВ, Г. КОПОСОВ

Приборы слушают сигналы планеты

...Наука позволяет обнаруживать национальными средствами контроля ядерные взрывы под землей. Подземные ядерные взрывы, проведенные, например, в США, фиксировались советскими учеными и учеными других стран.

Н. С. ХРУЩЕВ

Деревья все теснее обступают дорогу. Вверху их ветви плотно смыкаются, и кажется, что машина идет зеленым тоннелем. По бревенчатому мостику переезжаем ручей. Вдруг шофер резко нажимает на тормоза: дорогу не спеша пересекает лось. Заслышав шум мотора, вспархивают перепуганные птицы.

За поворотом дороги лес гостеприимно расступается, и мы видим уютные коттеджи, домик лаборатории среди фруктового сада, служебные постройки.

Это цель нашего путешествия — сейсмическая станция Института физики земли АН СССР, где регистрируются землетрясения, происходящие на территории всего земного шара. Здесь слушают ядерные взрывы.

* * *

...В открытое окно лаборатории заглядывают цветущие яблони. Начальник станции Григорий Григорьевич Дашков рассказывает нам о принципах обнаружения ядерных взрывов.

— Современная измерительная аппаратура,— говорит он,— так чувствительна и совершенна, что позволяет фиксировать ядерные испытания на огромных расстояниях от места взрыва, где бы они ни производились: в атмосфере на высотах до 500 километров и более, под водой, в подземных шахтах.

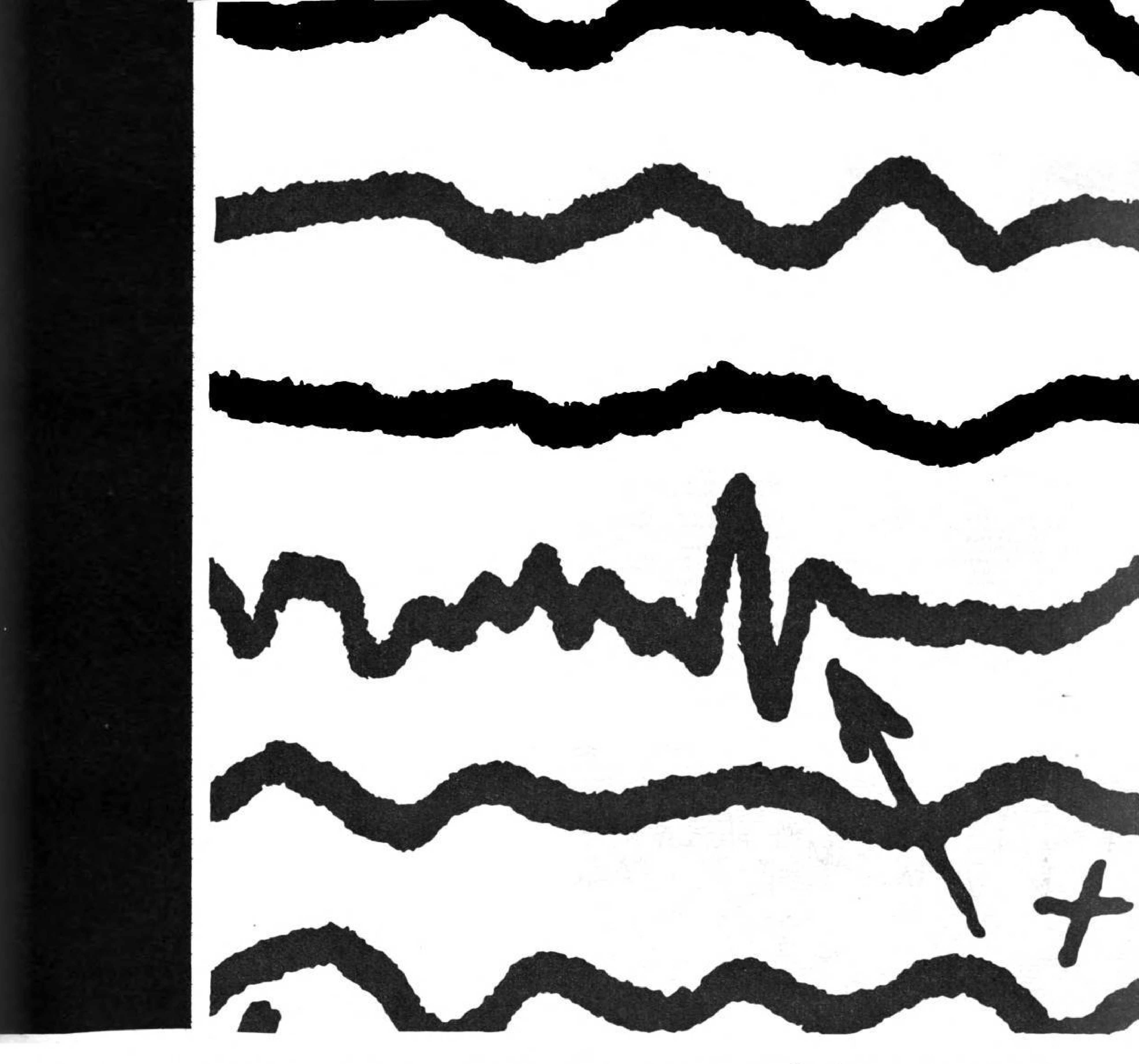
При ядерных испытаниях в атмосфере возникают инфразвуковые волны, которые не улавливает человеческое ухо. Зато приборы слышат отлично и на огромном расстоянии. Так, взрыв силой в тысячи тонн тринитротолуола можно обнаружить, находясь в нескольких тысячах километров от места, где он произведен. Взрыв мощностью в десятки и сотни тысяч тонн слышно в любой точке земного шара, а в миллионы тонн — заставит инфразвуковые волны несколько раз обойти нашу планету.

Одного наблюдения за воздушными волнами в большинстве случаев достаточно, чтобы обнаружить ядерное испытание в атмосфере уже через несколько часов после того, как оно произошло. При этом можно определить время и место ядерных испытаний и оценить мощность взрыва. Существует и другой, более медленный, но весьма достоверный метод обнаружения воздушных взрывов: сбор радиоактивных продуктов.

Зная пути движения воздушных масс и состав радиоактивных продуктов, полученных из проб воздуха, можно ориентировочно определить координаты взрыва и время, когда он произошел.

Кроме того, воздушный, подводный или подземный взрывы вызывают упругие сейсмические волны. Они распространяются в земной коре и в более глубоких частях земли, в ее оболочке и ядре.

Смещение почвы, вызванное этими волнами, может составлять всего лишь стотысячные или даже миллионные доли миллиметра. Но

сейсмографы их зарегистрируют. Такие чувствительные сейсмографы установлены на многих сейсмических станциях различных стран, в том числе и на той станции, где мы с вами находимся. Как слушают сигналы земли?

...Тропинка, петляя между вековых сосен, ведет к холму, густо заросшему лесной малиной. Подходим ближе и видим массивную стальную дверь. Это делает холм похожим на хорошо замаскированный дот, только без пулеметных и орудийных амбразур. Щелкает замок. В полу, огражденное высокими перилами, зияет круглое отверстие. Заглядываем в него, и голова кружится. Кажется, колодец уходит к самому центру земли. Далеко на его дне лежит белая полоска света, и оттуда тянет холодком.

— Давайте спускаться,— приглашает Григорий Григорьевич, подходя к крутой металлической лестнице,— лифта у нас не положено: мешал бы работе приборов.

Спускаемся долго. Шаги гулко отдаются в шахте, лестничные марши следуют друг за другом, а дна все нет и нет. Наконец лестница упирается в бетонный пол, и мы проходим в зал с цилиндрическим сводом. На толстой бетонной плите под прозрачными колпаками размещены датчики-сейсмоприемники. Сориентированные по странам света, они словно приникли к земле, слушая ее дыхание.

— Этот зал,— рассказывает начальник станции, — высечен в известняке. Для повышения точности наших наблюдений необходимо устанавливать приборы на твердых породах, таких, как гранит, базальт, известняк. Их массивы уходят далеко в глубь земли. Сейсмические приборы очень чувствительны. Они требуют постоянной температуры.

Здесь, под землей, на глубине нескольких десятков метров эта постоянная температура быстро дает себя знать: тут весьма прохладно.

— Это у вас, вероятно, вредный цех,— шутим мы.

— А здесь людей не бывает,— в тон нам отвечает Григорий Григорьевич,— только для вас сделали исключение. — И, посерьезнев, продолжает: — Когда где-нибудь произойдет взрыв или землетрясение, сейсмоприемники по кабелям передадут на поверхность земли электроимпульсы, которые и расскажут специалистам о колебаниях почвы.

Мы поднимаемся на поверхность, к сожалению, не с легкостью импульсов, неоднократно останавливаясь, чтобы перевести дух. После пребывания под землей день кажется ярким, светлым, хотя небо хмурится.

Следуя дальше по пути электроимпульсов, попадаем в лабораторию, где сигналы сейсмографов, переданные из шахты, воплощаются в графические изображения. Старший лаборант Юрий Хафистович Агаев ведет нас в помещение, где производится фотозапись сейсмограмм.

Здесь, в темноте, светятся только лампочки в коллиматорах. Их свет падает на зеркало гальванометра, отражается на линзу, которая собирает световой луч в тонкую иглу. Повинуясь сигналам приборов, установленных в шахте, она движется по фотобумаге, вычерчивая замысловатые кривые.

Агаев показывает нам метровую бумажную ленту сейсмограммы. На ней протянулись волнистые линии микросейсмов. В одном месте линии прерывались, образуя черточки, похожие на запятые.

— Это вы спускались по лестнице, ходили в подземном зале,— объясняет он.

Вот это приборы! Ведь ступали-то мы по бетону, уложенному на известняке, массив которого уходит далеко в землю. Какие тут колебания почвы?! И после этого уже не очень удивляемся, узнав, что советские ученые записывали подземные взрывы мощностью в пять килотонн, произведенные в США на расстоянии десяти тысяч километров, а взрыв в двадцать килотонн — на расстоянии шестнадцати с половиной тысяч километров.

— Волнения в океанах, изменения давления в атмосфере и другие причины,— рассказывает Григорий Григорьевич,— вызывают непрерывное колебание земной поверхности — микросейсмы. Амплитуды этих колебаний не постоян-

Так выглядит запись на сейсмограмме, сделанная на расстоянии в 4 500 километров, ядерного взрыва в Сахаре, произведенного Францией 1 мая 1962 года в 13 часов по московскому времени.

Начальник сейсмической станции Григорий Григорьевич Дашков за расшифровкой сейсмограммы.

ны по времени. На сейсмограмме они как бы создают фон. Когда же происходит взрыв, то на ленте сейсмографа возникает группа колебаний, отличающаяся по форме и по частоте от микросейсмических колебаний — фона. Посмотрите сами,— показывает он на сейсмограмму,— это испытание ядерного устройства под землей, недавно проведенное в США.

На сейсмограмме ровная дорожка микросейсмов в одном месте сломалась острым углом, метнулась вверх, потом вниз, снова вверх...

— А вот запись подводного взрыва, проведенного американцами у Маршалловых островов.

Да, ничто не скроется от чуткого уха приборов, от внимательных глаз советских ученых.

— А землетрясения,— спрашиваем мы,— как их отличить от ядерных взрывов?

— Совокупность целого ряда отличительных признаков,— отвечают нам,— позволяет ученым различать записи взрывов от записей землетрясений. Прежде всего форма записи сейсмических колебаний при взрыве отличается от той, которая бывает при многих землетрясениях. Например, направление так называемого первого движения сейсмических колебаний, вызванных взрывом, всегда соответствует волне сжатия. Иными словами, движение почвы в точке наблюдения направлено от эпицентра. Есть и другие отличия — более тонкие, требующие привлечения данных многих станций и анализа их записей на современных электронно-счетных машинах. К таким отличиям относится, например, глубина очага возникновения сейсмических волн. Примерно половина всех землетрясений происходит ниже шестидесяти километров, и главным образом в определенных сейсмических районах. Эти районы известны и занимают всего несколько процентов поверхности нашей планеты.

— Следовательно, невозможно производить ядерное испытание так, чтобы мир об этом не узнал?

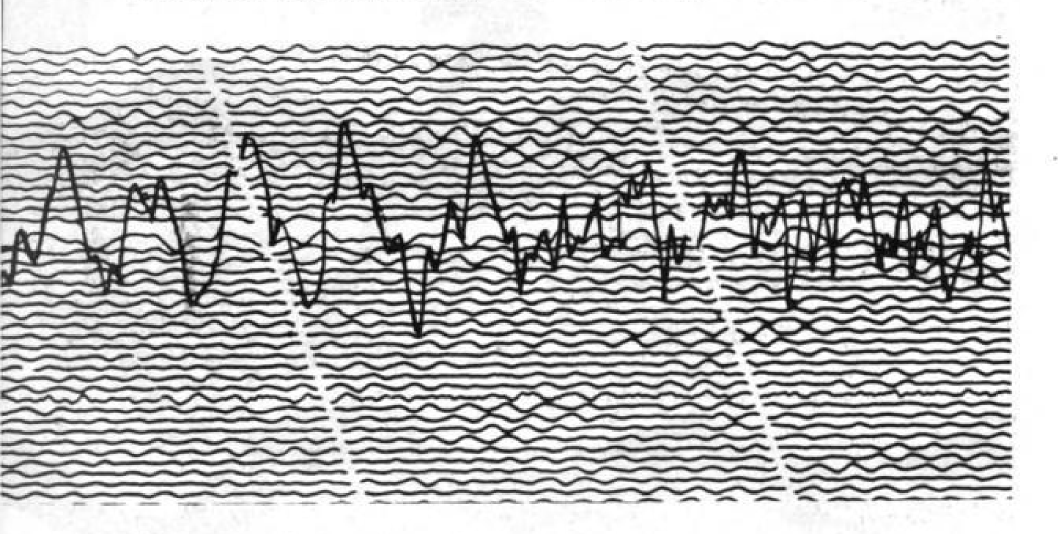
— Конечно, это только американские дипломаты, стараясь обмануть общественное мнение, утверждают, что ядерные взрывы нельзя обнаружить национальными средствами. А вот вам простой расчет, опровергающий это мнение. Если взять территорию социалистического лагеря, то нет места, которое было бы удалено от его границы более чем на пятьшесть тысяч километров. А на таком расстоянии практически каждый ядерный взрыв, в том числе и подземный, будет обнаружен наверняка.

Помните, как говорил Никита Сергеевич Хрущев о том, как американцы сами это подтвердили. Они сразу же обнаружили подземный ядерный взрыв, который был в свое время произведен в Советском Союзе. Этот же взрыв зафиксировали станции и других стран.

— Следовательно, аргумент западных держав,— продолжает Григорий Григорьевич,— на который они ссылаются, отказываясь от наших предложений о ядерном разоружении, явно несостоятелен.

* * *

...Мы прощаемся с сейсмологами поздно вечером. Небо прояснилось, и над лесом поднялась полная луна. Но в лаборатории не спали люди, умеющие далеко слышать. Ни один ядерный взрыв, произведенный за рубежом в воздухе, под водой или под землей, не остается тайной для советских ученых.

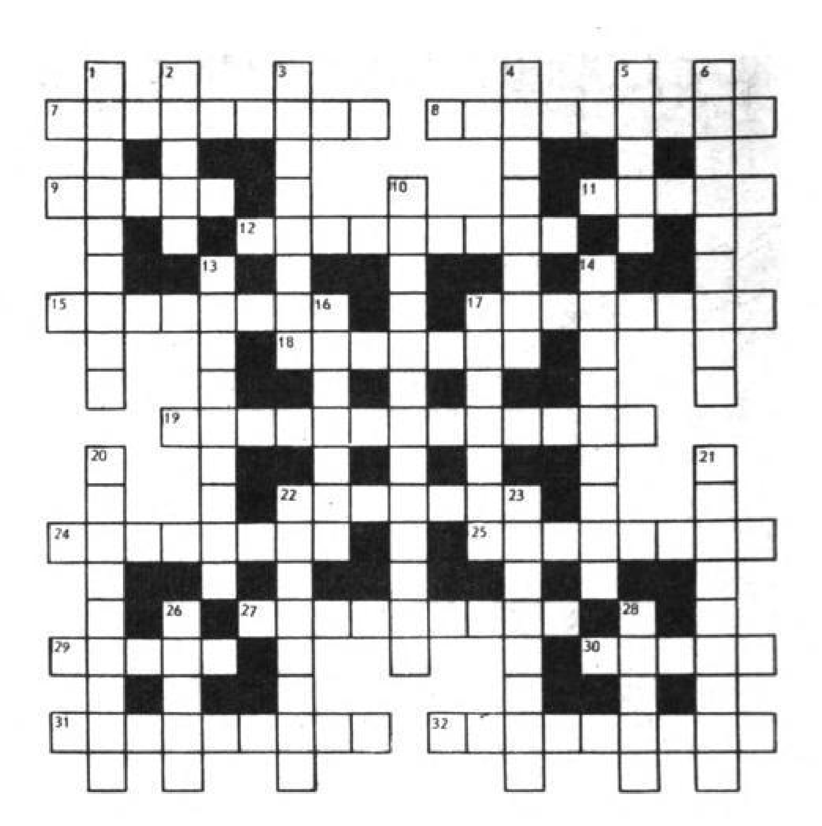

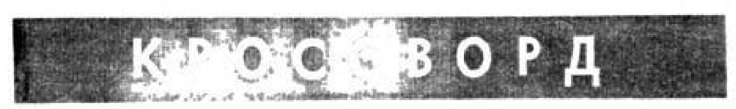
На расстоянии более трех тысяч километров от станции происходит землетрясение.

На первой странице обложки: Самые юные жители Софии. За их светлое будущее неутомимо борются братские народы Болгарии и Советского Союза.

На последней странице обложки: Новый курортный комплекс в Болгарии «Солнечный берег» уже приобрел всемирную известность.

Фото Ю. Кривоносова.

По горизонтали:

7. Советский писатель. 8. Участок земли, занятый сельскохозяйственной культурой. 9. Головной убор. 11. Продукт доменной плавки. 12. Электрический выключатель. 15. Стеклянный сосуд. 17. Народная артистка СССР. 18. Юрист. 19. Рабочий землеройной машины. 22. Музыкальный инструмент. 24. Выведение и улучшение сортов растений. 25. Изобретатель дуговой лампы. 27. Произведение Л. Н. Толстого. 29. Порода гончих. 30. Музыкальная пьеса для восьми исполнителей. 31. Футбольная команда. 32. Одна из древнейших систем письменности.

По вертикали:

1. Предметы театральной обстановки. 2. Приток Иртыша. 3. Коробка для хранения мелких вещей. 4. Готовое изделие. 5. Обкатанный обломок горной породы. 6. Член детской дружины. 10. Чувство признательности. 13. Отдел педагогики. 14. Спортивная игра. 16. Автономная советская республика. 17. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 20. Советский музыкант. 21. Город в Московской области. 22. Прибор для измерения высоких температур. 23. Часть фотоаппарата. 26. Вождь восстания рабов в Сицилии. 28. Хищная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 21

По горизонтали:

3. Стереотип. 7. Диалект. 8. Окарина. 9. «Комик». 12. Автор. 13. Овраг. 18. Попурри. 19. Резюме. 20. Рашель. 21. Коляска. 22. Франс. 25. Ажгон. 26. Канна. 28. Барокко. 29. Давлури. 30. Квитанция.

По вертикали:

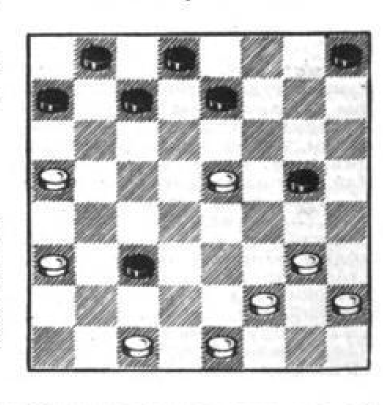
1. Противоположность. 2. Фотокорреспондент. 3. Силок. 4. Перро. 5. Ритм. 6. Шнур. 10. Оркестр. 11. Ильюшин. 14. Вершина. 15. Аполлон. 16. Апекс. 17. Вираж. 23. Арат. 24. «Стоик». 26. Колея. 27. Нора.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА
Н. Абациев (Москва) →

Белые начинают и выигрывают.

●

Решение концовки В. Кочарова, помещенной в № 20.
1. e3 — d4! e5 : c3 2. a1 — b2!! c3 : a1 3. e1 — d2 g3 : e5 4. d2 — c3 a1 : d4 5. h2 — g3 h4 : f2 6. g1 : e7 f8 : d6 7. h6 : c5 e5 — f4 8. c5 — g3 и выигрывают.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Л. Шумана.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00087. Подписано к печати 23/V 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 886. Заказ 1447.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

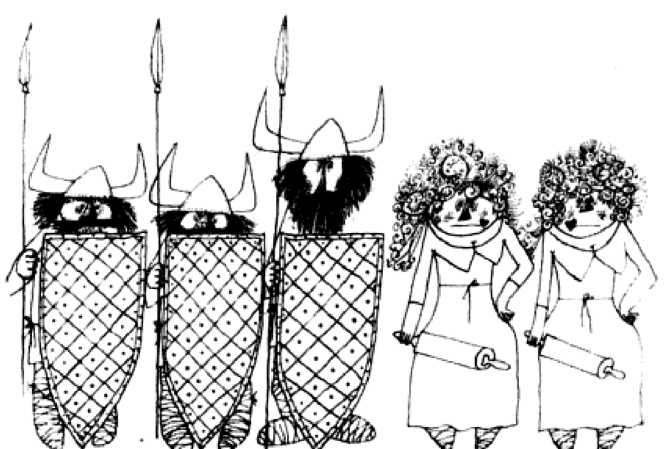

Дурная примета.

ИЗ ИСТОРИИ ВОИН
Рисунки М. ПОКОРЫ.

ПОЛЬША

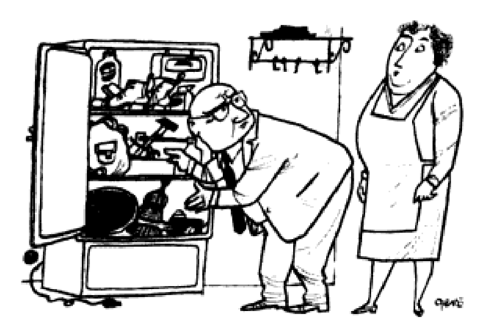
Военачальники и их жены.

Памятник ветерану.

Рисунки Ш. ГЕРЭ.

ВЕНГРИЯ

— Мне кажется, настало время очистить холодильник.

Ресторан «Голубой Дунай».
— Взгляните, пожалуйста: эта подходит?

В субботу...

Рисунки З. ЮЯКИ.

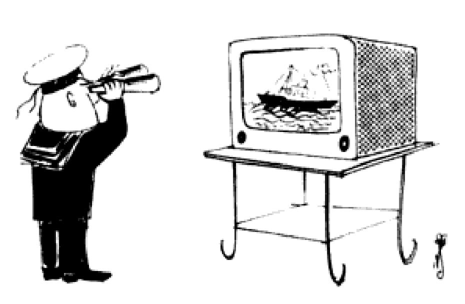
ПОЛЬША

Близорукий нарушитель.

После выступления.

Без слов.

Штраф.

Цена номера 30 коп.

